ЛИТО «УГРЕША»

Московская
областная
организация
Союза писателей
России

Елена Егорова

Коммунар Ярослав Смеляков

Елена Егорова

Коммунар Ярослав Смеляков

К 90-летию
трудовой коммуны №2
имени Ф.Э. Дзержинского

Елена Егорова

Коммунар
Ярослав Смеляков

Биографический очерк,
документальная повесть, стихи

г. Дзержинский
Московской области
2017

ББК 84 (2Рос–Рус)6–5
Е 30

Егорова Е.Н.
Коммунар Ярослав Смеляков. Биографический очерк, документальная повесть, стихи. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», литературное объединение «Угреша», 2017. — 136 с., ил.

Книга Елены Егоровой, руководителя литературного объединения «Угреша», посвящена трудной судьбе известного русского советского поэта Ярослава Васильевича Смелякова (1913–1972). Биографический очерк «Ярослав Смеляков на Угрешской земле» охватывает события жизни поэта начиная от его рождения до кончины, причём наиболее подробно описывается период 1937–1939 гг., когда поэт был членом трудовой коммуны №2 НКВД, основанной на территории подмосковного Николо–Угрешского монастыря в 1927 году, и работал ответственным секретарем многотиражной газеты «Дзержинец». В художественно–документальном жанре эти события описаны в повести «Коммунар Ярослав Смеляков».

В основе биографического очерка и повести — публикации историков, литературоведов и краеведческие исследования автора, выполненные в последние годы, воспоминания родственников и очевидцев событий.

Издание снабжено разделом «Ярослав Смеляков. Краткая летопись жизни и творчества» и справочником упоминаемых исторических лиц. В оформлении использованы фотоматериалы из фондов Новомосковского историко–художественного музея и семейных архивов.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Издание осуществлено на пожертвования Г.И. Ерастова (ООО «Торговый дом «Нефтьмагистраль»), Л.Б. Егоровой и автора книги.

ISBN ISBN 978-5-9908048-1-4

© Егорова Е.Н., текст, дизайн, 2017
© ДМУП «Информационный центр», 2017
© Литературное объединение «Угреша»
Московской областной организации Союза писателей России, 2017
© Нистратова Е.В., иллюстрации, 2017
© Сиделёва В.О., портрет на обложке, 2017

Предисловие

Лучшие произведения выдающегося поэта Ярослава Смелякова прочно вошли в сокровищницу русской поэзии. Это стихи о вечном: о состояниях человеческой души, о труде, о любви к женщине, к матери, к Родине, к родному языку, к животным, к природе и о подвигах ради этой любви. В избранное можно включить и ряд стихотворений, написанных Смеляковым в Подмосковье, на Угрешской земле, вместе с окрестными сёлами и деревнями представляющей собой историческое ядро города Дзержинского.

Здесь поэт оставил значимый духовный след. В 1937–1939 годах Смеляков работал ответственным секретарём многотиражной газеты «Дзержинец», выпускавшейся трудкоммуной №2 НКВД, в декабре 1938 года преобразованной в производственный комбинат. Сюда Ярослав был переведён из тюрьмы, где находился с 1935 года по сфабрикованному обвинению «за участие в антисоветской группе». Так он стал коммунаром. Работа в газете в разгар сталинских репрессий была непростой, но пребывание поэта в коммуне скрасили искренняя дружба, доброе отношение коммунаров и воспитателей, взаимная любовь и радость творчества. На страницах «Дзержинца» молодой поэт публиковал свои очерки, рассказы, заметки и, конечно, стихи. Друзья и коллеги с душевной теплотой называли его Ярочкой.

В дальнейшем Смелякову была уготована тяжёлая судьба. Он, любивший советскую власть всей душой и талантливо воспевавший её в стихах, трижды попадал в советские лагеря ГУЛАГа, был в финском плену во время Великой Отечественной войны. Почти треть своей взрослой жизни — 12 лет — Смеляков провёл в заключении, но это не сломило его душу. Поэзия помогла ему выжить, остаться истинно творческой личностью.

В последние годы жизни Смеляков был признанным, маститым поэтом, любимым читателями. Он получил Государственную премию СССР, премию Ленинского комсомола, выпускал книги одну за другой, выступал на радио, телевидении, много ездил по стране, бывал за рубежом, работал с молодыми поэтами, многие

из которых с благодарностью вспоминают его строгую, но всегда доброжелательную и справедливую критику. Собратья по перу уважали Смелякова за стоический характер, принципиальность, доброту, юмор, прощали ему чудачества во время застолий. Его здоровье, подорванное в лагерях, резко ухудшилось в 1972 году, и он скончался за полтора месяца до своего 60–летия.

Лауреаты Московской областной литературной премии им. Я.В. Смелякова на праздновании 100-летия со дня рождения поэта. 2013 г.

В 2005 году администрацией г. Дзержинского и Московской областной организацией Союза писателей России была учреждена Московская областная литературная премия им. Я.В. Смелякова. Всех лауреатов этой премии награждают памятной медалью «Ярослав Смеляков. За верность традициям русской литературы». В 2006 году премия его имени была учреждена в Тульской области. В Новомосковском историко-художественном музее с 1981 года открыта мемориальная комната Ярослава Смелякова, где хранятся личные вещи поэта, часть библиотеки, книги, автографы, переданные его вдовой Т.В. Стрешневой и другом поэтом

Мемориальный кабинет Ярослава Смелякова
в Новомосковском историко-художественном музее

С.Я. Поздняковым. В 2012 году имя Ярослава Смелякова присвоено библиотеке семейного чтения в г. Дзержинском Московской области.

Лучшие произведения Ярослава Смелякова продолжают издаваться, о нём снимают фильмы, публикуют статьи, к сожалению, не всегда объективные, порой содержащие недостоверную информацию, преувеличивающие отрицательные стороны характера выдающегося поэта, интерес к творчеству которого не иссякает. В отличие от таких публикаций, настоящая книга написана на основе произведений и документов самого Смелякова, воспоминаниях его близких родственников и современников.

Ярослав Смеляков на Угрешской земле

Биографический очерк

Детство и отрочество

Судьба Ярослава Смелякова непроста и во многом трагична. Он родился в древнем городе Луцке Волынской губернии 26 декабря 1912 года / 8 января 1913 года. Его отец Василий Еремеевич Смеляков, 1861 года рождения, служил на железной дороге. Мать Ольга Васильевна была на 17 лет моложе отца, она вела домашнее хозяйство, воспитывала троих детей. Ольга Васильевна происходила из большой семьи мещан Крицких, имевшей купеческие корни. Старшая дочь Зинаида у Смеляковых родилась в 1899 году, старший сын Владимир — в 1901 году. Они были уже гимназистами, когда появился на свет Ярослав. Мальчик очень любил мать и всю свою семью. С Луцком связаны первые детские воспоминания будущего поэта[1]:

Я родился в уездном городке
И до сих пор с любовью вспоминаю
Убогий домик, выстроенный с краю
Проулка, выходившего к реке.

Мне голос детства памятен и слышен.
Хранятся смутно в памяти моей
Гуденье липы и цветенье вишен,
Торговцев крик и ржанье лошадей.

Мне помнятся вечерние затоны,
Вельможные брюхатые паны,
Сияющие крылья фаэтонов
И офицеров красные штаны.

Здесь я и рос. Под этим утлым кровом
Я, спотыкаясь, начинал ходить,
Здесь услыхал — впервые в жизни! — слово,
И здесь я научился говорить.

Ярослав, Зинаида и Владимир Смеляковы. 1915 г.

Удивительно, что Ярослав запомнил город своего рождения, ведь ему было всего 1 год и 7 месяцев, когда к Луцку приблизился русско–немецкий фронт и семья Смеляковых уехала в Воронеж, на родину матери. Луцк был занят немцами уже в августе 1914 года. Освободили город в результате Брусиловского (Луцкого) прорыва 7 июня 1916 года. Возможно, тем летом Смеляковы на некоторое время приезжали в родной дом и именно тогда Ярослав, которому было уже 3,5 года, получил впечатления, нашедшие отражение в цитированном выше стихотворении «Возвращённая родина», написанном в 1939 году.

В Воронеже[2] Василий Еремеевич устроился работать весовщиком на железнодорожную станцию. Смеляковы жили в небольшом трёхкомнатном деревянном домике в Покровском переулке, близ одноимённой церкви. К ним вскоре приехали близкие родственники по линии материи: сестра Евфросинья Ивановская с четырёхлетней дочкой Валей, двухлетним сыном Толей и 23–летней младшей сестрой Антониной, которая вскоре вышла замуж за крестьянина Владимира Николаевича Подгорского. Валентина Ивановская в своих воспоминаниях писала: *«Вот с этого времени я и помню моего двоюродного брата, тогдашнего Ярочку — маленького бледного мальчика с отвисшими книзу припухлыми щёчками, с оттопыренными ушками, с широко раскрытыми серьёзными серо–голубыми глазками и с удивительно–вопросительно поднятыми белобрысыми бровками»*. Именно таким и видим мы будущего поэта на фотографии 1915 года, где он снят со старшим братом и сестрой.

В Воронеже Ярослав пошёл в 1–ю советскую трудовую школу. Знакомство с шедеврами русской поэзии, особенно с поэмами Лермонтова «Мцыри» и «Песнь о купце Калашникове», потрясло воображение Ярослава. Лет с десяти он начал писать стихи. Очень большое впечатление произвела на юного поэта книга стихов Сергея Есенина:

Средь ночи медленной и малой,
Когда дороги замело,
Однажды книжица попала
К нам в белорусское село.

Там на обложечке весенней,
Лицом прекрасен и влюблён,
Поэт страны Сергей Есенин
Был бережно изображён.

Лишь я один во всей округе,
Уйдя из мира, тих и мал,
Под зимний свист последней вьюги
Её пред печкою читал…

Книгой, которую читал школьник Яра, скорее всего, были «Избранные стихи» Сергея Есенина, вышедшие в 1925 году в библиотеке «Огонька»: там на обложке помещён портрет великого поэта. А в цитированных стихах Смелякова речь идёт о белорусской деревне Овсище Витебской губернии, куда Ярослав ездил на каникулы к родственникам.

По воспоминаниям Валентины Ивановской[3], летом в этой деревне было очень весело и интересно, потому что съезжалось много двоюродных братьев и сестёр Ярослава. Под руководством старших, тогда уже студентов Зины и Володи Смеляковых, для жителей окрестных весей ставились любительские спектакли «Золушка», «Снегурочка», «Сказка

Зинаида, Ольга Васильевна, Яра и Володя Смеляковы. 1918 г.

Валентина, Ефросинья и Анатолий Ивановские. 1930 г.

об Иванушке–дурачке». Роли исполняли Валя и Толя Ивановские, Коля Крицкий (будущий заслуженный артист РСФСР) и, конечно, Ярослав. Наблюдательный мальчик играл творчески, с забавными импровизациями, особенно удачными в роли Иванушки.

Семья Смеляковых жила, как и все, очень скромно. Особенно трудно стало после смерти отца в начале 1920–х годов. Сестру Зинаиду даже отчисляли из Воронежского университета за неуплату. Неудачи преследовали и старшего брата Володю. В 1918 году он окончил гимназию и служил в губернском продовольственном комитете, затем поступил на историко–филологический факультет ВГУ, но вскоре оставил учёбу. В 1920 году он вновь поступил — уже на медицинский факультет. 7 июня 1921 года Владимир Смеляков был арестован за антисоветские высказывания и решением коллегии Губчека заключён в Митрофановский концлагерь на полгода. Выйдя на свободу в октябре 1921 года, Владимир пытался восстановиться на факультете, но безуспешно, поэтому в январе 1922 года он забрал свои документы и уехал в Москву, где позднее получил специальность юриста. Во второй половине 1923 года сестра Зинаида тоже переехала учиться в столицу. Одиннадца-

тилетнего Ярослава мать послала к старшим детям для продолжения учёбы в семилетней школе, а вскоре и сама перебралась в Москву, где жила с сыном в доме на Большой Молчановке, 31 (теперь на этом месте кинотеатр «Октябрь»).

Небольшая комната Смеляковых была наполнена гостями и домочадцами, иногда приходилось стелить постель даже на столе. Добрая и заботливая Ольга Васильевна помогала всем, готовила, обстирывала, обшивала. На её попечении кроме Ярослава находилась Валя Ивановская, учившаяся с ним в одной школе №48, расположенной на улице Герцена, в параллельном классе. Они активно участвовали в школьных вечерах. Валентина вспоминала[4], что Ярослав сочинял к ним забавные стихи и частушки. Ольга Васильевна ходила на эти вечера с удовольствием. Она была очень начитанна, увлекалась искусством, литературой, театром и в таком творческом духе воспитывала детей. Старший брат Владимир, уже имевший свою семью, тогда содержал и мать, и младшего брата.

Комсомольская юность

В 1928 году 15–летний Яра Смеляков окончил семилетку и поступил на работу. Кем он только ни трудился: дворником, истопником, помощником агента снабжения промкооперации. Как писала Валентина Ивановская, её будущий муж, двоюродный брат первой жены Владимира Смелякова Елены Николай Иванович Тарасов, привлёк Ярослава к ликвидации неграмотности в Чувашской Республике методом накатного букваря: «Какое–то время Ярослав был помощником Тарасова, и они не без успеха развешивали плакаты со слогами или словами у колодцев, у клуба, у сельсовета. Проходящие крестьяне запоминали эти слова, и через

Ярослав Смеляков. Начало 1930-х гг.

несколько дней появлялись новые. Таким образом на ходу люди обучались грамоте». Другой родственник, журналист Борис Кобрин, взял Ярослава с собой в Рязань[5]. Борис работал ответственным секретарём в «Деревенской газете», а юный Смеляков стал корреспондентом, о чём писал в стихотворении «Губернская Рязань»:

Непритязательно одетый,
Я жил тобой без суеты,
О, «Деревенская газета»,
Юдоль крестьянской бедноты!

Мне жизнь была такая впору.
В закутке, бедном и сыром,
Заметки страшные селькоров
Я обрабатывал пером.

В 1930 году на бирже труда подростков Смеляков получил направление в полиграфическую фабрично–заводскую школу имени Ильича:

…И мне учиться срок настал.
Оставив гранки и селькоров,
Я в типографию попал
По фэзэушному набору.

Михаил Светлов. 1930-е гг.

«В стенах этой школы, помещавшейся в Сокольниках, все мы с упоением дышали комсомольской атмосферой начала пятилеток», — писал поэт в автобиографии «Несколько слов о себе». Он помещал свои стихи в стенгазетах, участвовал в выступлениях агитбригады, посещал занятия литературного кружка при газете «Комсомольская правда», поэтические вечера в Доме печати и Доме учёных. Значительное влияние на его раннее творчество оказали стихи Владимира Маяковского, на выступлениях которого он несколько раз бывал.

Другим его кумиром стал поэт Михаил Светлов, с которым его свёл случай. Ярослав принёс своё стихотворение «Баллада о числах» в молодёжный журнал «Рост», но перепутал дверь и оказался в кабинете главного редактора журнала «Октябрь» Светлова. Он неожиданно для начинающего поэта принял стихотворение в печать. Спустя некоторое время Смелякова, окончившего ускоренный курс машинных наборщиков, направили в 14–ю типографию «Полиграфиздата». Буквально на 3–й день работы к нему в набор случайно попали страницы «Октября» с его стихотворением.

Ярослав Смеляков (сидит 2–й справа) с товарищами по учёбе и с педагогами. Начало 1930-х гг.

Ярослав всё больше и серьёзнее занимается поэтическим творчеством, посещает занятия литературного объединения при журнале «Огонёк», проходившие раз в 10 дней под руководством писателя Ефима Зозули и главного редактора журнала Михаила Кольцова. Как писал Смеляков в стихотворении «Огонёк»,

Михаил Кольцов. Фото 1930–х гг.

Ефим Зозуля. Фото 1930–х гг.

Зимой или в начале мая
Я, в жажде стихотворных строк,
Спешил с работы на трамвае
Туда, в заветный «Огонёк».
…
Мы все друг дружку уважали
За наши сладкие грехи,
И голоса у всех дрожали,
Читая новые стихи.

Там, плечи жирные сутуля,
Нерукотворно, как во сне,
Руководил Ефим Зозуля,
В своём внимательном пенсне.

Там в кольцах дыма голубого,
Всё понимая наперёд,
Витала молча тень Кольцова,
Благословляя наш народ.

Лучшие произведения молодых авторов широко печатались на страницах «Огонька». В 1932 году в библиотечке журнала вышла первая маленькая брошюра стихов Ярослава Смелякова. Вместе с ним литобъединение посещали тогда начинающие, а впоследствии именитые поэты Сергей Михалков, Маргарита Алигер и другие:

Мы были очень молодые,
Хоть это малая вина.
Теперь едва не всей России
Известны наши имена.

Еженедельник тонколицый,
Для нас любимейший журнал,
Нам отдавал свои страницы
И нас наружу выпускал.

Маргарита Алигер. 1930-е гг.

С Маргаритой Алигер в начале 1930–х годов Ярослава связывали нежные чувства. Молодые люди были влюблены, встречались, гуляли по Москве, читали друг другу стихи. Однако идиллия оказалась недолгой, они стали всё чаще ссориться и вскоре расстались, сохранив дружеские отношения. Во время одного из последних свиданий Ярослав подарил Маргарите массивное серебряное кольцо с масонской символикой — черепом и двумя скрещёнными костями. При этом он полушутя–полусерьёзно сказал: «Пока будешь носить кольцо, у меня всё будет хорошо»[6].

Сначала у Ярослава действительно всё складывалось замечательно. Он знакомится с известным поэтом Эдуардом Багрицким, который печатает его стихи в журнале «Новый мир», где ведёт отдел поэзии. В 1932 году в Госиздате художественной литературы у Смелякова выходит первая значительная книга «Работа и любовь», которую он

Ярослав Смеляков. Начало 1930-х гг.

сам набирает в типографии. Название книги довольно точно отражает содержание его творчества того периода. Хотя поэт немало писал о классовой борьбе, увлекаясь её патетикой, лейтмотивом его произведений можно считать четверостишие из стихотворения «Любовь»:

Я набираю и слышу
В качанье истёртых станков,
Как с каждой минутой ближе
Твоя и моя любовь.

Сердечных увлечений у молодого Смелякова было немало. *«Как художник, который должен быть влюблён в свою натуру, так Ярослав влюблялся в свою тему очередную. Любка Фейгельман появилась на Молчановке в гостях, читала стихи. «И чего он в неё влюбился? Непонятно, — думала я про себя. — Ничего в ней особенного нет». А Любка увековечилась в стихотворении — и никаких гвоздей!»* — писала Валентина Ивановская[7]. В таком духе поэт увлекался не только Любовью Фейгельман, публиковавшейся впоследствии под псевдоним Руднева, но и известной писательницей Галиной Серебряковой, и красавицей грузинкой Родам Амиреджиби, первой женой Михаила Светлова.

Любовь Фейгельман. Начало 1930-х гг.

Хотя в те годы к слову «романтизм» молодёжь относилась несколько презрительно, Ярослав и его друзья по перу сами были ро-

мантиками, не сознавая этого. В 1932–1934 годах Смеляков печатается в центральных газетах и журналах, поэтических сборниках. На общем фоне его стихи выделяются особым лиризмом, искренностью и мастерством. В 1934 году его принимают в Союз писателей. Поэт увлечён пафосом социалистического строительства, а советские идеалы стали основой его мировоззрения, своего рода религией, заменив «неграмотный страх», как назвал он веру в Бога в раннем стихотворении «Трус». Однако Смеляков никогда не был воинствующим атеистом и в угоду властям в стихах Бога не поносил.

Первый арест

Ярослав дружил с двумя талантливыми молодыми поэтами Павлом Васильевым и Борисом Корниловым. Позднее в стихотворении «Три витязя» Смеляков писал:

Мы вместе жили, словно бы артельно,
Но вроде бы, пожалуй, что не так —
Стихи писали разно и отдельно,
А гонорар несли в один кабак.

Все три поэта хоть и были «вполне советскими», но вождям заказных славословий не сочиняли. В их творчестве ощущалась внутренняя свобода, присущая настоящим поэтам. Неудивительно, что вскоре их начали травить в газетах, причиной чего лишь формально была борьба с богемным образом жизни за «чистоту нравов» и трезвость. Смеляков предвидел это:

Я был тогда сутулым и угрюмым,
Хоть мне в игре пока ещё везло,
Уже тогда предчувствия и думы
Избороздили юное чело.

14 июня 1934 года в 4 центральных газетах — «Правде», «Известиях», «Литературной газете» и «Литературном Ленинграде» — вышла первая часть статьи Максима Горького «Литературные забавы», в которой приводилось письмо некоего «партийца», назвавшего Павла

Васильева «осколком буржуазно–литературной богемы», а его друзей Ярослава Смелякова и Евгения Долматовского обвинившего в пьянстве, анархо–индивидуалистической самовлюблённости и некомсомольском поведении. Заканчивался пасквиль такими словами: *«Прочтите новую книгу Смелякова. Это скажет вам больше (не забывайте, что я формулирую сейчас не только узнанное, но и почувствованное)»*. Здесь доносчик имеет в виду брошюру политической лирики «Счастье», которая вышла у Смелякова в 1934 году.

Ярослав Смеляков. 1932 г.

Слова о «почувствованном» клеветником якобы «анархо–богемском духе» творчества стали причиной ареста поэта в декабре 1934 года. Следователь так и сказал ему на допросе: *«Что же ты надеялся, мы оставим тебя на свободе? Позабудем, какие слова о тебе и твоём друге Павле Васильеве сказаны в статье Горького? Не выйдет!»*[8]

Вспоминая об этом, в 1967 году в стихотворении «Послание Павловскому» Смеляков писал:

В какой обители московской,
В довольстве сытом иль нужде
Сейчас живёшь ты, мой Павловский,
Мой крёстный из НКВД?

Ты вспомнишь ли мой вздох короткий,
Мой юный жар и юный пыл,
Когда меня крестом решётки
Ты на Лубянке окрестил?

И помнишь ли, как птицы пели,
Как день апрельский ликовал,
Когда меня в своей купели
Ты хладнокровно искупал?

Упоминаемый здесь следователь младший лейтенант Семён Григорьевич Павловский, являясь сотрудником секретно–политического отдела УНКВД по Московской области, контролировал издательства и вёл следственные дела многих литераторов. Затем он был оперуполномоченным 9–го отделения 4–го отдела НКВД и в Москве пользовался репутацией «молотобойца». Павловский был старше Смелякова на 7 лет. Потом этот следователь дослужился до полковника, был заместителем начальника отдела 2–го Главного управления МГБ СССР. В октябре 1951 года он был арестован, в 1953 году освобождён, в феврале 1954 года уволен из МВД с формулировкой «по служебному несоответствию». Дальнейшая судьба следователя достоверно неизвестна, по некоторым сведениям, он скончался в психбольнице в г. Казани. В 1967 году, когда Смеляков писал «Послание Павловскому», скорее всего, того уже не было в живых.

Весной 1934 года Маргарита Алигер узнала, что Ярослав Смеляков в тюрьме, и стала лихорадочно искать подаренное им кольцо, которое сняла с пальца и куда–то убрала, когда вышла замуж за композитора Константина Макарова–Ракитина. Однако поиски были тщетны. Спустя два года она случайно обнаружила кольцо в ящике письменного стола среди бумаг и тут же его надела. В пожилом возрасте она рассказывала знакомым загадочную историю с этим масонским кольцом, которое пропадало, когда Ярослав был в беде, и неожиданно находилось, когда дела его шли в гору. Перед последним арестом Смелякова в 1951 году кольцо надломилось и потом 20 лет пролежало непочиненным в столе среди бумаг, но в день похорон поэта Маргарита нашла его целым, хотя сама в ремонт не сдавала… Трудно судить, всё ли в её мистическом повествовании соответствует действительности.

Первое заключение Смелякова оказалось недолгим. Он ударно работал в тюрьме, был бригадиром. Ярослава выпустили досрочно в начале 1937 года и перевели на правах воспитанника в трудовую ком-

муну №2 НКВД, располагавшуюся на территории подмосковного Николо–Угрешского монастыря.

Судьба друзей Смелякова сложилась гораздо трагичнее: Павел Васильев был расстрелян в 1936 году, Борис Корнилов — в 1938 году. Из «трёх витязей российского стиха» уцелел только Смеляков.

В трудовой коммуне

В марте 1937 года Ярослав приехал на Угрешу и поселился в общежитии коммунаров. Трудкоммуна, существовавшая к тому времени уже 9 лет и только что получившая имя Ф.Э. Дзержинского, далеко шагнула за обширную территорию древнего монастыря и фактически превратилась в рабочий посёлок с населением около 12 тысяч человек, заводами и фабриками, относительно развитой для того времени инфраструктурой, учебными заведениями, клубом и стадионом[9].

В 1928 году, когда коммуну посетили Максим Горький и Михаил Кольцов, среди её воспитанников преобладали несудимые подростки–

Вид на часть посёлка коммунаров с бывшим Николо-Угрешским монастырём. Середина 1930-х гг.

Посёлок коммунаров. Улица Клубная. Середина 1930-х гг.

беспризорники. В 1937 году несудимых среди коммунаров было человек 30, а большинство составляли переведённые из мест заключения молодые люди, близкие по возрасту Смелякову. Три четверти работающих на предприятиях были вольнонаёмными работниками.

Совместно с Болшевской трудовой коммуной №1 здесь с 1934 года издавалась газета «Коммунар», но вскоре после приезда Смелякова, с апреля 1937 года, дважды в неделю тиражом 1500–2000 экземпляров начала выходить вместо прежней газета «Дзержинец», корреспондентом, а потом ответственным секретарём которой и стал опальный поэт.

Помимо него в редакции работали две Анны: квалифицированная машинистка Анна Ивановна Морозова и экспедитор Анна Николаевна Илюнина, которая собирала заметки и статьи рабочих корреспондентов — рабкоров, приносила их в редакцию, а также доставляла подготовленные к публикации материалы в московскую типографию на редакционной эмке. Коллектив рабкоров был подобран Ярославом по поручению управляющего коммуной Ефима Смелянского. Вначале поэт пытался организовать литературный кружок, но из–за перегруженности работой это дело заглохло после 3–4 занятий. С коммунарами–стихотворцами поэт работал как редактор, помещал их лучшие произведения на «Литературной странице» газеты.

Курировал редакцию «Дзержинца» помощник директора по воспитательной работе Михаил Петрович Щербаков, позднее избранный

Руководство трудкоммуны №2 НКВД. 1933 г.
Сидят в 1-м ряду: 5-й — Е.П. Смелянский, 8-й — П.С. Перепелкин. Стоят во 2-м ряду: 1-й — М.П. Щербаков, 2-й — Я.Я. Маслов (впоследствии репрессированный)

секретарём партийной организации. Будучи занят своей основной деятельностью, он, по сути, осуществлял лишь идейное руководство газетой. Главным редактором при поступлении Смелякова около месяца была Анна Андреевна Медова, но её вскоре перевели на партийную работу. Потом в газете сменилось несколько главных редакторов. Основная работа по подготовке номеров и организации коллектива рабкоров легла на плечи Смелякова. Он также курировал выпуск стенгазет. Ярослав с задачей справился. Днём его часто видели в цехах заводов и фабрик, он разговаривал с людьми, присматривался к ним, набрасывал заметки.

По вечерам Ярослав подолгу засиживался в комнате №12 на втором этаже просторного клуба, построенного в начале 1930–х годов в стиле конструктивизма. Каждый номер газеты он делал от начала до конца и, кроме того, свои стихи и фельетоны сам печатал на машинке и помещал в газете. Он очень уставал и частенько оставался ночевать в соседней комнате №13 на диване главного редактора, с его разрешения.

Клуб трудкоммуны, где располагалась редакция многотиражки «Дзержинец». Середина 1930-х гг.

Спустя много лет вспоминая свою работу в трудкоммуне, Смеляков писал в стихотворении «Машенька»:

Происходило это, как ни странно,
Не там, где бьёт по берегу прибой,
Не в Дании, старинной и туманной,
А в заводском посёлке под Москвой.

Там жило, вероятно, тысяч десять,
Я не считал, но полагаю так.
На карте мира, если карту взвесить,
Посёлок этот — ерунда, пустяк.

Но там была на месте влажной рощи,
На нет сведённой тщанием людей,
Как и в столицах, собственная площадь
И белый клуб, поставленный на ней.
…

Анна Илюнина,
экспедитор газеты «Дзержинец». 1934 г.

Татьяна Волкова,
младший библиотекарь. 1937 г.

А я в те дни, не требуя поблажки,
Вертясь, как чёрт, с блокнотом и пером,
Работал в заводской многотиражке
Ответственным её секретарём.

Лучшего места, чем клуб, для расположения редакции было не найти. Здесь кипела культурная жизнь, работали кружки, студии, располагалась библиотека, фондами которой пользовался Смеляков. Шестнадцатилетнюю сестру Анны Илюниной Таню Волкову, которая работала младшим библиотекарем и выдавала ему книги, поэт прозвал Вишней — то ли за румяный цвет лица, то ли оттого, что видел её в каком–то драмкружковском скетче в роли Вишни. Татьяна Николаевна, в замужестве Рудко, рассказывала, что Смеляков запомнился ей худощавым молодым человеком со светлыми волосами, бровями и ресницами, глазами цвета «выгоревших на солнце цветков цикория». Лицо у него было бледное, щёки чуть впалые. Говорил он приятным бархатным баритоном, носил бежевый коверкотовый костюм, светлую рубашку и кирпичного цвета гал-

стук. На первый взгляд Ярослав казался компанейским парнем, но при более тесном общении в нём чувствовалась какая–то отстраненность, сосредоточенность на своих мыслях и проблемах. Он был замкнутым, упрямым, не поддающимся чужому влиянию, но Анне Николаевне Илюниной доверял, иногда откровенничал с нею, зная, что она никому ничего не расскажет. Она действительно долго хранила тайны поэта и лишь после его смерти поведала младшей сестре Татьяне некоторые из них. Например, о том, как Смелякова травили за попытки защитить друзей Павла Васильева и Бориса Корнилова на собрании в Союзе писателей СССР в 1934 году, как в ресторане подсылали к нему проститутку, чтобы скомпрометировать, а когда из этого ничего не вышло, продажная девка оклеветала поэта в милиции...

На внешнем облике молодого Смелякова сказались пережитые им испытания, но мрачным меланхоликом он не стал, постоянно находясь в гуще культурных событий. Из творческих коллективов клуба Ярослав предпочитал самодеятельный театр, главным режиссёром которого был Николай Николаевич Виноградов, актёр Первого московского передвижного рабочего театра, впоследствии Московского театра им. Н.Э. Баумана. Драматические кружки трудкоммуны были слиты в театр–студию в 1935 году, но в начале 1937 года после призыва в армию состав студийцев обновился[10]. На сцене дебютировала юная талантливая самодеятельная актриса Мария Мамонова. Несколько лет до этого она занималась в кружках фортепиано, хореографии, театрального искусства. Её актёрское мастерство быстро росло под руководством Н.Н. Виноградова. Девушка была хороша собой, необыкновенно пластична и грациозна, её мимика и движения рук были очень выразительны, она вкладывала в игру душу. Всё это предопределило необычайную популярность Марии у зрителей, которые ей дружно рукоплескали, скандировали: «Мамонова! Мамонова!» Одной из первых её ролей была лётчица Лена Медведева в пьесе Виктора Гусева «Слава». Большим успехом стала роль крепостной актрисы Лизы Огоньковой в пьесе Юрия Беляева «Псиша», поставленной в 1938 году.

Смеляков увлёкся очаровательной Машенькой, посещал все спектакли с её участием, помещал отзывы о них в «Дзержинце». Как рассказывала спустя много лет сама Мария Тимофеевна, Ярослав имел на

Мария Мамонова в роли лётчицы Лены Медведевой. 1937 г.

Мария Мамонова в роли Псиши. 1938 г.

неё виды, но она ему не отвечала, потому что любила другого. Может быть, именно к Марии Мамоновой обращены строки из стихотворения «Майский вечер», напечатанного в газете «Дзержинец» 11 июня 1937 года:

Чего ж, сероглазая, ты смеёшься?
Неужто опять над любовью моей?
То глянешь украдкой. То отвернёшься.
То щуришься из–под широких бровей.

О переживаниях поэта свидетельствует четверостишие, не включённое в окончательную редакцию:

И я, как дурак, в середине мая
В жаре и цветах, в предвечернем дыму
Вдруг хохочу или вдруг вздыхаю,
Согласно желанию твоему.

В книжных публикациях из стихотворения было исключено, вероятно, по цензурным соображениям, самое первое четверостишие опубликованного в газете «Дзержинец» раннего варианта:

Светом солнечным, светом лунным,
Майскими звёздами освещена
Не только Люберецкая коммуна —
Вся наша Родина, вся страна.

По окончании сезона 1938 года Мария Мамонова, отыграв все запланированные спектакли, ушла в декретный отпуск, родила сына Рому. В связи с преобразованием коммуны в производственный комбинат НКВД театр был передан в ведение месткома профсоюза «Электрозавода», не имевшего средств на спектакли. Постановки практически были прекращены и возобновились лишь осенью 1939 года. Мария Мамонова, первенец которой умер в младенчестве от детской болезни, перед войной вернулась на сцену, участвовала также в танцевальном коллективе, проходила прослушивание на авторитетной комиссии, приехавшей в клуб из Москвы. Кто знает, как сложилась бы судьба талантливой самодеятельной актрисы, если бы не война.

Память о чувстве к юной Мамоновой осталась у Смелякова на всю жизнь. В 1966 году он сочинил стихотворение «Машенька» по мотивам пережитых им событий 1937–1938 годов. Прототип легко узнаваем в главной героине, описанной с необычайной теплотой. Ситуация в стихотворении предельно заострена и содержит художественный вымысел, касающийся сорванного актрисой спектакля из–за запрета родственников даже близко подходить к сцене и объяснения с нею автора на её рабочем месте. Изменено и имя режиссёра: Николай Николаевич Виноградов выведен под именем Василь Васильича, может быть, в память об известном поэте Василии Васильевиче Казине, редактировавшем первые сборники Смелякова. Мария Тимофеевна стала Марией Николаевной, да и вряд ли поэт спустя годы помнил её отчество. Однако сам посёлок, обстановка творческого коллектива, впечатления от игры Марии Мамоновой, весь её образ описаны очень живо и достоверно:

На сцене театра–студии коммуны после спектакля с участием Марии Мамоновой (в центре). 1938 г.

Застенчива и хороша собою,
Как стёклышко весеннее, светла,
Его премьершей и его душою
У нас в то время Машенька была.

На шаткой сцене зрительного зала
На фоне намалёванных небес
Она, светясь от радости, играла
Чекисток, комсомолок и принцесс.

Лукавый взгляд, и зыбкая походка,
И голосок, волнительный насквозь...
Мещаночка, девчонка, счетоводка —
Нельзя понять, откуда что бралось?

Ей помогало чувствовать событья,
Произносить высокие слова
Не мастерство, а детское наитье,
Что иногда сильнее мастерства.

С естественной смущенностью и болью,
От ощущенья жизни весела,
Она не то чтобы вживалась в роли,
Она ролями этими жила.

О своих чувствах убелённый сединами поэт писал:

Я Машеньку и ныне вспоминаю
На склоне лет, в другом краю страны.
Любил ли я её? Теперь не знаю,—
Мы были все в ту пору влюблены.

Мария Мамонова, в замужестве Проворова, до пенсии работала бухгалтером на местном оборонном предприятии (ныне Федеральный центр двойных технологий «Союз»). Семейная жизнь её была вполне благополучной, она воспитывала красавицу дочь Веру, потом внуков. Внешнюю привлекательность Мария Тимофеевна сохраняла до пожилого возраста. Смелякова она не забывала, ездила на его могилу.

Машенька была не единственным и не главным сердечным увлечением поэта в коммуне. В 1939 году в «Молодой гвардии» было опубликовано его стихотворение «Лирическое отступление», посвящённое Валентине Аркадьевне Климович, по мужу Макаровой. По словам Т.Н. Рудко, происходила она из казачьей семьи и внешностью напоминала знаменитую актрису Тамару Макарову. Валентина предпочитала одеваться в синий английский костюм, белую блузку со складочками, носила туфли–лодочки. Несмотря на строгую элегантность одежды, она была необыкновенно женственна и обаятельна: блестящие чёрные волосы, брови вразлёт, большие серые глаза с густыми длинными ресницами, ослепительная белозубая улыбка.

В 1932 году 24–летняя Валентина устроилась работать секретарём в управление коммуной. Замуж она вышла за юриста Сергея Макарова, приезжавшего из Москвы для консультирования руководства. По воспоминаниям знавших его, он был очень умный и интересный человек. Жили молодые в просторной комнате бывшей монастырской гостиницы «Париж». Счастье их было недолгим: в начале 1937 года муж Валентины умер от серьёзной болезни, молодой женщине пришлось оставить работу секретаря, переселиться в небольшую комнатку в фибролитовом доме по Клубному переулку (впоследствии ул. Бондарева). Работала она в бухгалтерии и для восполнения пробелов в знаниях по математике занималась с Анной Илюниной.

Анна Николаевна и познакомила Валентину с Ярославом по его же просьбе. Обращённое к этой женщине «Лирическое отступление» отличается особой нежностью и глубиной чувства, бережным отношением к возлюбленной, несмотря на то что она не отвечает с той же силой. По словам Татьяны Николаевны Рудко, отношения между Ярославом и Валентиной были очень нежными, почти супружескими. Скорее всего, к ней же относится и стихотворение «Давным–давно», опубликованное в 1940 году в «Молодой гвардии», но написанное двумя годами ранее.

Работая в газете коммуны, Смеляков поддерживал связь с московскими друзьями, часто перезванивался со своим близким другом поэтом Евгением Долматовским, встречался с собратьями по перу во время отлучек в Москву на выходные, когда с разрешения начальства

ездил навещать свою пожилую мать. По воспоминаниям родственников, Ольга Васильевна по–прежнему привечала родных: племянника Игоря Подгорского, сына сестры Антонины, муж которой был репрессирован в 1928 г., внука Александра Смелякова, сына разведённой дочери Зинаиды, которая работала учительницей русского языка и литературы. Ярослав имел подход к детям и с удовольствием занимался с двоюродным братом и племянником, которого однажды даже брал с собой в коммуну. Правда, этот визит мальчик хорошо не запомнил в силу малого возраста. Старший брат Смелякова Владимир тогда находился в ссылке в Иркутске. Он, квалифицированный юрист, работал на золотых приисках по своей специальности.

Ольга Васильевна Смелякова. Конец 1930-х гг.

Любимой матери в 1938 году Ярослав посвятил стихотворение «Мама», в котором удивительно точно передано близкое каждому человеку чувство любви к матери:

…Так, как у сердца меня носила,
В сердце своём я тебя ношу.

«Примечательно его молодое мастерство», — писал Михаил Луконин о творчестве Смелякова того периода. В его стихах — впечатления от встреч с друзьями, от посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, от свечения светлячков в кустах у Москвы–реки… Но, к сожалению, далеко не только это. Репрессивная политика властей создавала тяжёлую атмосферу подозрительности, которую Ярослав в полной мере испытал на себе. Обстановка тогда была такая, что даже на Всесоюзной Пушкинской выставке, куда Смеляков возил рабкоров, особое внимание посетителей обращалось на представленные в экспозиции доносы на великого поэта и анонимные письма.

В «Дзержинце» по указанию сверху помещались статьи о громких процессах того времени. В 20–м номере за 1937 год опубликовали материал «Приговор народа» о том, как на собрании коммуны был поддержан приговор о расстреле высших военачальников М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира и ещё шестерых «контрразведчиков германо–японского фашизма». В следующем номере появилось стихотворение Смелякова «Воля народа», заканчивающееся словами:

Будь же проклята ложь тухачевских, якиров,
Восьмерых уничтоженных нами имён.

Стихи были написаны явно по указанию главного редактора, да и знать истинного положения дел Смеляков тогда не мог. Не стоит строго судить его за эти строки, ведь он, как всякий воспитанник коммуны, должен был подчиняться приказам начальства. Смелякова строго обязывали помещать в газете анонимно написанные партийными функционерами материалы. Так, в 31–м номере за 1937 год напечатана статья «Вооружимся бдительностью», направленная против якобы действовавших «врагов народа», которых недвусмысленно предлагалось «вытащить на солнышко» для *«выкорчёвывания охвостьев фашистского подполья не только в районе, но и в коммуне», где «не особенно любят даже общие разговоры о бдительности к врагу»*.

Волна сталинских репрессий прокатилась по Угрешской земле в 1937–1938 годах. Пострадали многие коммунары и вольнонаёмные работники, прежде всего руководители высшего и среднего звена. Особенно много людей арестовали на фибролитовом заводе. Поводом для арестов могла послужить любая производственная неурядица, объявленная вредительской: поломка станков, очереди на автобус, якобы недостаточная рентабельность фибролита…

В конце 1937 года арестовали директора фибролитового завода и большую группу сотрудников этого предприятия[11]. Им предъявили абсурдные обвинения в принадлежности к террористическим контрреволюционным организациям. Все они были расстреляны в январе 1938 года по приговорам пресловутых «троек» НКВД.

Добрались и до Ефима Павловича Смелянского, управляющего коммуной. Его арестовали в декабре 1937 года и растреляли на полигоне

Павел Степанович Перепёлкин.
1930-е гг.

Ефим Павлович Смелянский.
1930-е гг.

Бутово в феврале 1938 года. Вскоре арестовали его жену, старших детей забрали в детдом. И лишь одного известного ликвидатора беспризорности, Павла Степановича Перепёлкина, управлявшего трудкоммуной №2 в 1929–1935 годах, пощадили: помогло ходатайство коммунаров, поручившихся за него, и заступничество коллег.

В этой тяжёлой обстановке приходилось работать Смелякову: собирать рабкоровские совещания, обрабатывать представленные материалы, составлять редакционные планы, самому писать серьёзные и интересные деловые заметки и статьи, которые отличались краткостью и конкретностью. Собственные материалы в газете Смеляков подписывал своей фамилией и псевдонимом Старик, он порицал некоторых рабкоров, ставивших только инициалы или скрывавшихся под псевдонимами типа Зоркий Глаз.

Смеляков помещал в «Дзержинце» и свои литературные произведения, содержащие художественный вымысел. Так, написанный с мягким юмором рассказ «Поражение мастера» основан на реальном событии в коммуне — сеансе одновременной игры в шахматы, в котором

ОРГАН БЮРО ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ФАБРИЧНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И УПРАВЛЕНИЯ ЛЮБЕРЕЦКОГО КОМБИНАТА имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ДЗЕРЖИНЕЦ

Цена 5 коп.
№ 53 (257)
17 июня 1939 г.

ПРИКАЗ
Народного Комиссара Внутренних Дел СССР за 1939 год

№ 320

СОДЕРЖАНИЕ
О НАГРАЖДЕНИИ РАБОТНИКОВ ЗАВОДА № 67

№ 320 4 июня 1939 г. гор. Москва

За оказание помощи в осуществлении проектных строительных и монтажных работ по заводу № 1 НКВД, а также за содействие в освоении производства

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Об'явить благодарность и премировать фотоаппаратами «ФОД» начальника 5 Главного управления наркомата боеприпасов Союза ССР бывш. директора завода № 67 т. **Масальского М. Г.**, директора завода № 67 наркомата боеприпасов т. **Базарова В. И.**, начальника инструментального отдела завода № 67 т. **Савинна Г. Я.**, заместителя главного энергетика завода № 67 т. **Хорошева А. А.**

2. Выделить в распоряжение директора завода № 67 т. Базарова В. И. 5 тыс. рублей для премирования работников завода, оказавших помощь заводу № 1 НКВД в освоении производства.

Заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР
комдив **ЧЕРНЫШОВ.**

Премирование наиболее отличившихся работников завода Лодочных моторов и завода „Спартак"

В специальных приказах управляющий Люберецким комбинатом имени Дзержинского т. Осипов отметил достижения коллектива завода Лодочных моторов и коллективов литейного и вентиляторно-сборочного цехов завода «Спартак», выполнивших полугодовую программу досрочно.

В распоряжение директора завода т. Лесотьева выдано 2.500 руб. для премирования наиболее отличившихся работников завода.

За досрочное выполнение полугодовой программы приказом № 155 управляющий комбинатом об'явил благодарность начальнику литейного цеха Л. И. Шкленнику.

А. Л. Назлов — директор Электрозавода, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

Газета «Дзержинец» от 17 июня 1939 г. Фрагмент 1-й страницы

гроссмейстер Исаак Яковлевич Мазель выиграл 19 партий из 20 и свёл вничью лишь одну — с работником совхоза Каменевым, однофамильцем репрессированного государственного деятеля. В рассказе Смелякова, опубликованном в газете от 2 июня 1937 года, мастер проиграл партию, поражённый красотой своей неопытной соперницы.

Весной 1938 года срок у Ярослава закончился, ему выдали паспорт и вернули гражданские права. Осенью того же года поселение трудовой коммуны стало самостоятельной административной единицей — Дзержинским рабочим посёлком.

В газете «Дзержинец» Ярослав Смеляков работал до ноября 1939 года, когда был призван в действующую армию Ухтомским райвоенкоматом. В стихотворении «На вокзале» Ярослав писал:

Что ж делать, мать?
У нас давно ведётся,
Что вдаль глядят любимые сыны,
Когда сердец невидимо коснётся
Рука патриотической войны.

В расстёгнутом тулупчике примятом
Твой младший сын, упрямо сдвинув рот,
С путёвкой своего военкомата,
Как с пропуском, в бессмертие идёт.

Тяжёлую Советско–финскую войну Смеляков провоевал рядовым солдатом, не прячась за чужие спины. Памяти погибших боевых товарищей он посвятил стихи «Луну закрыли горестные тучи…». Поэт благополучно вернулся в Москву весной 1940 года и был принят на работу в аппарат Союза писателей СССР. Дела у Ярослава пошли в гору. Жил он у матери на Большой Молчановке, летний отпуск провёл в Крыму. Бывал и в посёлке имени Дзержинского: вероятно, приезжал к Валентине Аркадьевне Макаровой. Кроме того, необходимо было решить вопрос с изменением местной прописки на московскую.

В самом конце сентября 1940 года Анна Николаевна Илюнина встретила Ярослава Васильевича на берегу пруда по дороге к гаражу, куда он шёл с вещмешком за плечами: видимо, вопрос о прописке был к тому дню уже окончательно решён. На руках молодая женщина держала малыша Кирюшу, не дававшего покоя матери ни днём ни ночью. Смеляков не видел свою бывшую сотрудницу около года и очень обрадовался неожиданной встрече, но было заметно, что он жалеет измотанную, сильно похудевшую Анну. Говорили они недолго, но очень душевно. «Ну прощай, увидимся ли ещё?» — были его последние слова.

Перед войной молодой поэт плодотворно работает. Он пишет цикл «Крымские стихи», его произведения выходят в свет в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Красной нови», журнале «30 дней». Из его лучших стихотворений 1940–1941 годов наиболее известны «Если я заболею, к врачам обращаться не стану…» и «Хорошая девочка Лида». В августе 1940 года под редакцией В.В. Казина была подготовлена

к публикации новая книга стихов Смелякова, куда он включил и лучшие произведения, написанные на Угреше. К сожалению, сборник так и не выпустили.

В фашистском плену, советском лагере и сталиногорской ссылке

Евгений Долматовский в годы Великой Отечественной войны

В мае 1941 года Смелякова призвали в армию из резерва, зачислили рядовым во 2–ю легкострелковую бригаду и направили служить в Карелию. Осенью 1941 года во время тяжёлых боёв на подступах к Ленинграду он вместе со своей частью попал в окружение и затем в плен к финнам, воевавшим на стороне фашистов. В лагере он пробыл 3 года, испытав все тяготы подневольного труда на финской ферме, куда пленных сопровождали конвоиры с овчарками. Обращались фашисты с узниками жестоко. Не один раз пришлось Смелякову сносить сильные удары по лицу прикладом просто за пристальный взгляд на конвоира.

Друзья о поэте ничего не знали. Ходили слухи о его гибели. Евгений Долматовский даже написал трагическое стихотворение, посвящённое его памяти. Лишь Маргарита Алигер полагала, что Ярослав жив: вернувшись из эвакуации зимой 1942 года, она неожиданно нашла дома кольцо, подаренное Смеляковым, которое куда–то задевалось в её квартире перед отъездом в октябре 1941 года.

Осенью 1944 года между финской и советской сторонами был произведён обмен военнопленных. Из фашистского лагеря вместе

Ярослав Смеляков (крайний слева) на шахте №13. 1945 г.

с товарищами по несчастью Смеляков попал в советский проверочный лагерь под Сталиногорском Тульской области (ныне Новомосковск)[12]. Сюда к нему приезжали мать и племянник Саша, который рассказывал: «Пока ждали Ярослава, я никак не мог согреться. Он вышел к нам, снял шапку. Голова у него оказалась острижена под машинку, так что виднелись следы двух заживших царапин. Бабушка спросила о них, и Яра ответил, что это его пули царапнули в бою. Я ему сказал, что очень промёрз в дороге, на это он заметил: «А я–то как промерзал в окопах!» Ещё он рассказал, что к нему приезжал Константин Симонов и обещал помощь»[13].

Осенью 1945 года Ярослава освободили из заключения, но в Москву вернуться не разрешили. Ярослав работал на шахте №13 в посёлке Донском, исполнял обязанности банщика, затем помощника заведующего банно–прачечным комбинатом. Сотрудничал в газетах «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», где выходили его заметки и стихи.

В штат «Сталиногорской правды» на должность ответственного секретаря Смелякова приняли при содействии главного редактора

* * *

В музее Революции лежит,
среди реликвий нашего народа,
рожок, в который протрубил Мадрид
начало битв тридцать шестого года.

Со вмятинами, тускло-золотой,
украшенный нитью багряной —
в полночный час ~~под звездной высотой~~
кастильскому он снится партизану.

Прижав губы к рожку своему,
~~франкистским~~ заторопят шаги,
солдат Свободы, шепчется к нему
и шепотом растухшим губами.

Рожок молчащий молча мы храним
~~в честь вашу славу~~, на почетном месте.
Пускай придет, пускай придет за ним
~~восставший~~ сын мадридского предместья

И пусть опять мы испанских сил,
~~разгромленных~~ полки ~~республиканской~~ ~~армии~~ сбывая,
~~все~~ ~~смолкнет~~ ликующий сигнал
~~и~~ музыка раздастся ~~полковая~~
~~разгром~~ ~~песня~~ ~~боевая~~.

... На (~~боевых~~ ~~медных~~) ~~трубах~~ по тропам каменистым
~~отряды~~ ~~проходящие~~ ночью
Сигналите бой,
сигналите бой горнисты,
трубите ~~марш~~ ~~победы~~ ~~трубачи~~.

Ярослав Смеляков

Автограф стихотворения «Рожок». 1947 г.

Ярослав Смеляков. Конец 1940-х гг.

Константина Ивановича Разина и Степана Яковлевича Позднякова. *«Он вошёл ко мне в кабинет страшно худой, в армейской телогрейке, подпоясанный солдатским ремнём, на голове военная шапчонка, но без звёздочки и какая–то сильно заношенная. Очень напряжённые глаза. Но сказал спокойно, с достоинством: "Я поэт Ярослав Смеляков. Умею писать стихи, корреспонденции, репортажи... Думаю, что я мог бы быть полезным для вашей газеты..."»* — вспоминал К.И. Разин[14].

Поэт Степан Поздняков приютил Смелякова в своей комнате в Сталиногорске. Жили в тесноте, да не в обиде: койку Ярослава отделял от хозяев большой самодельный шифоньер. По ночам Ярослав часто сочинял стихи и утром читал их Позднякову.

Изредка и неохотно, по настойчивым просьбам друга Смеляков рассказывал о своей жизни в немецких и советских лагерях, признавался, что его очень расстраивала разлука с матерью, её страдания и лишения. *«А что до меня самого, то это всё ерунда, были бы чернила да то, что этими чернилами можно писать, ведь моим истинным увлечением всегда были и будут одни стихи, и хорошее стихотворение делает меня счастливым вопреки всему остальному»*[15], — говорил он.

По счастью, такая возможность даже в лагерях у Смелякова была. Несмотря на тяжёлые обстоятельства, отсутствие порой самого необходимого, он сочиняет светлые стихи о матери, полные патриотизма строки о Родине, о воевавших солдатах, о русских женщинах. Из этих стихотворений особенно известны: «Вот опять ты мне вспомнилась, мама…», «Земля», «Кремлёвские ели», «Милые красавицы России», «Манон Леско», «Пряха» и другие.

Иногда Ярослав надолго затворялся в своей маленькой комнатке, которую для него наконец выхлопотало начальство, и писа́л, писа́л, отвлекаясь лишь на еду, которую ему приносил Степан.

Смеляков приходит на спектакли городского народного театра, пишет о них в местной газете. Он руководит литобъединением, участвует в вечерах поэзии, организуемых Поздняковым в доме культуры.

В Сталиногорске Ярослав впервые женится. Его супругой стала милая простая женщина — Евдокия Васильевна Курбатова, которую в близком окружении звали Дусей. Именно ей посвящено известное стихотворение «Памятник»:

Как поздний свет из тёмного окна,
Я на тебя гляжу из чугуна.

Недаром ведь торжественный металл
Моё лицо и руки повторял.

Недаром скульптор в статую вложил
Всё, что я значил и зачем я жил.

И я сойду с блестящей высоты
На землю ту, где обитаешь ты.

Приближусь прямо к счастью своему,
Рукой чугунной тихо обниму.

На выпуклые грозные глаза
Вдруг набежит чугунная слеза.

И ты услышишь в парке под Москвой
Чугунный голос, нежный голос мой.

Стихи Смелякова начинают печатать солидные столичные журналы «Знамя», «Новый мир». Московские друзья хлопочут за него, и в 1947 году ему разрешают вернуться в Москву.

Однако в Сталиногорск он время от времени приезжает к другу Степану Позднякову, ведёт вместе с ним поэтический кружок для взрослых и подростков.

Подмосковный писатель Вячеслав Карасёв, в 1945–1953 годах живший в Сталиногорске, вспоминает: *«Зимой 1951 года, кажется, в*

Степан Поздняков и Ярослав Смеляков. Конец 1940-х гг.

феврале, я узнал, что при редакции газеты «Московская кочегарка» открыт литературный кружок… Среди моих друзей не было любителей поэзии, и я решил идти один. В помещении присутствовало человек пятнадцать: несколько молодых женщин, мужчин человек десять и, кроме меня, ещё один подросток. Двое мужчин сидели за председательским столом. Они представились: Ярослав Васильевич Смеляков, Степан Яковлевич Поздняков. Степан пояснил, что Ярослав — известный поэт, печатался в московских газетах, сотрудник газеты «Московская кочегарка».

Ярослав, в свою очередь, представил Степана — поэт, сотрудник газеты «Сталиногорская правда». Одеты они были просто: в костюмы тёмного цвета из грубошёрстной ткани, без галстуков. Степан был обут в кирзовые сапоги, а во что был обут Ярослав, не помню или не разглядел.

Наше первое занятие началось с формального знакомства. Прибывших кружковцев Степан записал в тетрадь, указав при этом род

занятий. Ярослав опрашивал каждого из присутствующих: кого из поэтов он читал, помогает ли ему поэзия в жизни, пишет ли стихи сам. Пишущих оказалось немного, а любящих поэзию — все. На этом занятие закончилось, а следующее было назначено через месяц (кружок собирался в последнюю субботу месяца).

На второе занятие желающих заниматься в кружке пришло больше. Степан новичков записал в тетрадь, а Ярослав, объяснив значение литературы в жизни общества, прочитал несколько стихотворений А.С. Пушкина и на их примере стал объяснять технику стиха. Говорил о «трёх китах» стихосложения, убеждал, что нужно кропотливо работать над словом: каждый стих должен быть выстраданным»[16].

Ярослав Смеляков в кругу семьи.
Слева направо: Саша, Зинаида, Антонина, Владимир, Ярослав (сидит в центре), Ольга Васильевна, Дуся. 1947 г.

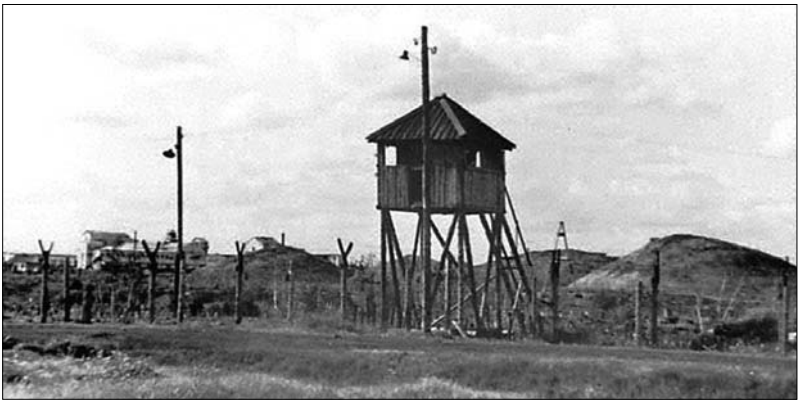
По–видимому, в следующий раз в Сталиногорск Ярослав Смеляков смог приехать уже после возвращения из лагеря в Инте.

Заключение и ссылка в Инте

Ярослав Васильевич снова восстановлен в Союзе писателей. В 1948 году выходит в свет его книга «Кремлёвские ели», куда включены стихи, написанные до и после войны.

Однако благополучный период длится только 3 года. В «Литературной газете» появляется критическая статья Сергея Львова, где высказывается мнение, что сборник «Кремлёвские ели» лишь внешне оптимистичен, а по сути стихи Смелякова «всегда о смерти». Вновь начинается травля творческой интеллигенции, которую огульно обвиняют в космополитизме.

В 1951 году на квартиру Ярослава кто–то из «друзей» приводит провокатора, который во время застольной беседы получает необходимый компромат на поэта. По одним свидетельствам, это был вопрос подвыпившего Смелякова к одному из собратьев по перу: «Почему у тебя о Сталине плохие стихи, а о Ленине хорошие?» По версии киносценариста Валерия Фрида, поводом стало признание поэта: «Странное дело! О Ленине я могу писать стихи, а о Сталине не получается. Я его уважаю, конечно, но не люблю»[17]. Вскоре Смелякова по доно-



Лагерь в Инте. 1940-е гг.

су арестовывают и осуждают по печально известной статье 58 УК на 25 лет лагерей. Его потрясённая горем 74–летняя мать Ольга Васильевна умерла в Москве в 1952 году.

Несправедливое заключение поэт отбывает в приполярной Инте, где работает мусорщиком на доломитной шахте. Поэзия снова помогла ему выстоять. Он не перестал верить в советскую власть, в её прогрессивность. Он считал, что её позорили люди, которые предавали, сажали, истязали его самого и его друзей. Глубинных причин происходящего он понять не мог. В 1952 году в лагере в стихотворении «Мы не рабы» Смеляков писал:

Как же случилось, что я, запевала–поэт,
Стал — погляди на меня — бессловесным рабом?
Не в чужеземном пределе, а в отчем краю,
Не на плантациях дальних, а в нашей стране,
В грязной одежде раба на разводе стою,
Номер раба у меня на согбенной спине.

По–видимому, до конца жизни Смеляков так и не нашёл полностью удовлетворяющего его ответа на этот вопрос. Возможно, здесь кроется одна из причин внутреннего трагизма, заметного в его облике.

Такие стихи не могли быть, конечно, опубликованы в советское время, в отличие от других, более светлых и не затрагивающих тему репрессий, написанных уже после смерти Сталина. Тогда лагерный режим стал мягче. Племянник поэта Александр Смеляков рассказывал, что Ярославу Васильевичу выделили закуток в бараке, где он сочинял стихи, а его книги были весьма востребованными в тюремной библиотеке. Он помогал редактировать тюремную стенгазету, лагерную многотиражку «Уголь стране», вёл поэтический кружок для заключённых.

В 1954 году Смелякова освободили из лагеря, он отбывал ссылку там же в Инте, продолжал писать. Тёплые строки поэт посвятил бывшей жене Евдокии, с которой сохранил добрые отношения. С ней он заочно развёлся после ареста, чтобы не подвергать её опасности репрессий. В лагере и ссылке Смеляков сочинил первую часть поэмы «Строгая любовь» о делах и чувствах, нежных и не очень, его ровесников, учившихся в школе имени Ильича. С высоты жизненного опыта он пишет об их

наивном аскетизме, о борьбе с «мещанством» в быту, о первой любви увлечённых комсомольской работой Яшки и Лизки…

До 1955 года поэт оставался в Заполярье. Спустя десятилетие он писал в стихотворении «Воробышек» о влетевшей к нему в окно птичке, ставшей предвестницей освобождения:

До Двадцатого до съезда
Жили мы по простоте —
Безо всякого отъезда
В дальнем городе Инте.

Годы признания и творческих споров

Вернувшись в 1955 году в Москву, на квартире бывшей жены, тогда вторично вышедшей замуж за известного жокея Московского ипподрома Александра Бондаревского, Ярослав Васильевич читает друзьям по перу первую часть поэмы «Строгая любовь». В 1956 году она выходит отдельной книгой.

Я.В. Смеляков на праздновании Дня поэзии в Москве. 1960 г.

Ярослав Смеляков и Татьяна Стрешнева. 1964 г.

После XX съезда КПСС Смелякова полностью реабилитировали. Жизнь его внешне складывалась вполне благополучно. Он вновь восстановлен в Союзе писателей, вместе с другом Михаилом Лукониным руководит отделением поэтов, ведёт раздел поэзии в журнале «Дружба народов», редактирует альманах «День поэзии», работает в издательстве «Молодая гвардия». Личная жизнь тоже складывается удачно: второй брак с поэтессой и переводчицей Татьяной Валерьевной Стрешневой оказался прочным и счастливым. Смеляков помогал жене воспитывать Володю, сына от первого брака[18]. Татьяна приспособилась к трудному, ершистому характеру Ярослава, прощала вредные привычки[19] и мимолётные увлечения, умела уладить конфликты, возникавшие из–за нетактичного поведения поэта на застольях.

Супругов сближала любовь к поэзии, искусству, природе, к людям и животным. В их двухкомнатной квартире в доме №19 по Ломоносовскому проспекту и на даче в Переделкине, некогда принадлежавшей Александру Фадееву, жили две собаки–дворняжки, и ещё в последний год жизни поэт подобрал на улице беспородного щенка. Трогательные, дышащие любовью и состраданием стихи Смеляков написал о домашних

любимцах и других животных: «Ягнёнок», «Собака», «Собачьи морды», «Недопесок»…

Жене Татьяне поэт посвятил несколько стихотворений. Самое красивое из них — «Зимняя ночь». В нём говорится о возвращении из гостей по заснеженным ночным улицам Ленинграда с любимой, которая в снежных «блёстках похожа на русскую зиму–зиму». Стихотворение заканчивается словами:

И с тебя я снимаю снежинки,
Как Пушкин снимал соболей.

Такое сравнение неслучайно. Смеляков очень почитал великого русского поэта, написал о нём немало стихов, поверял свои произведения по нему, очень болезненно переживал его смерть на дуэли, по советской традиции осуждая за это царизм и виня Наталью Николаевну Пушкину. О жене великого поэта Смеляков в 1959 году написал резкое стихотворение «Натали», представление о содержании которого даёт последнее четверостишие:

Мы не забыли и сегодня,
Что для тебя, дитя балов,
Был мелкий шёпот старой сводни
Важнее пушкинских стихов.

Спустя годы Смеляков понял, что был неправ, когда с таким осуждением и неуважением писал о Наталье Николаевне, и сочинил «Извинение перед Натали», прося её позабыть прежнее стихотворение, как при жизни она смогла «забыть великого поэта — любовь и горе всей земли». Таков был характер неистового Смелякова. Он наверняка написал бы ещё одно извинение, если бы узнал, что Наталья Николаевна помнила Пушкина до конца жизни и каждую пятницу — день недели, когда он скончался, — облачалась в траур, постилась и молилась о его упокоении. Великодушный второй муж её, П.П. Ланской, разрешал это. А вот Смеляков рассудком вряд ли смог бы понять её молитвенный подвиг, ведь он был неверующим, вернее — безразличным к религии. Однако его поэзия иногда была красноречивее его самого. Так, в стихотворении о Красной площади (1947), где, по ощущениям автора, «и сейчас

ещё воздух насыщен электричеством ленинских слов», есть глубокое и для тех времён очень нетривиальное по внутреннему содержанию четверостишие, которое могло бы стать самостоятельным произведением:

Над клубящейся пылью Вселенной,
Над путями величья и зла,
Как десницу, Василий Блаженный
Тихо поднял свои купола.

Эти строки не случайны в творчестве Ярослава Васильевича. Он глубоко интересовался российской историей и культурой, входя со своими учениками и единомышленниками в так называемую Русскую партию в Союзе писателей СССР. Однако русофильство Смелякова не было фанатичным. Он полностью признавал права других народов на свои национальные идеи, восставая только против навязывания их русским писателям и вообще русскому народу, а также против преуменьшения его роли в истории России и политики вытеснения русских народных традиций и обычаев из жизни общества.

После вручения Государственной премии СССР. 1967 г.
Слева направо: О. Табаков, Я. Смеляков, Г. Волчек, М. Казаков

В 1960–е годы Смеляков много пишет, переводит с разных языков народов СССР и социалистических стран сочинения национальных поэтов. Как отмечал писатель Н.М. Коржавин[20], его лучшие стихи выделяются на общем фоне зрелостью чувств, чистотой и благородством тона, мужской смелостью и приглушённым трагизмом.

Одна за другой издаются и переиздаются книги Смелякова: однотомники и двухтомники избранных стихотворений (1957, 1961, 1964,

1967, 1970), «Строгая любовь» (1957, 1967), «Работа и любовь» (1960, 1963), «Разговор о главном» (1959), «Золотой запас» (1962), «Хорошая девочка Лида» (1963), «Милые красавицы России» (1966), «Роза Таджикистана» (1966), «Товарищ комсомол» (1968), «Молодые люди. Комсомольская поэма» (1968). В 1968 году Смеляков был удостоен Государственной премии СССР за книгу «День России», опубликованную в 1967 году и ставшую явлением в советской поэзии. Книга эта потом неоднократно переиздавалась. Были у Ярослава Васильевича и высокие правительственные награды — 3 ордена Трудового Красного Знамени.

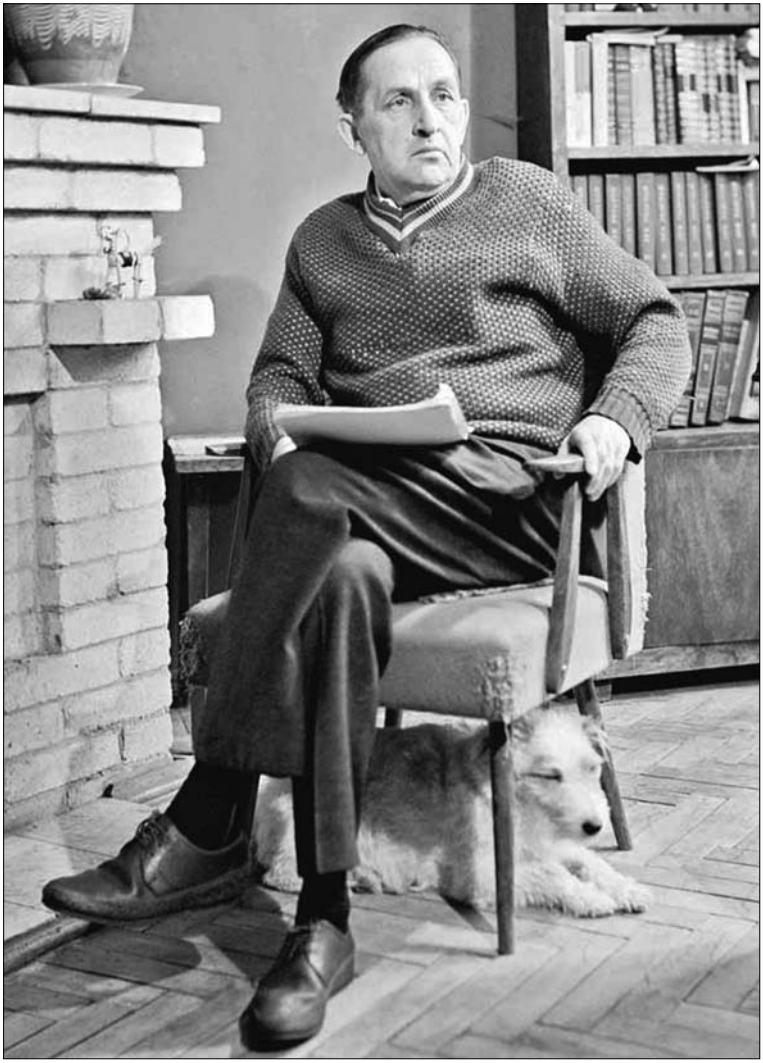
К 100–летию со дня рождения В.И. Ленина выходит в свет книга Смелякова «Связной Ленина» (1970). Однако поэт, хотя и считал себя ярым сторонником советской власти и вполне искренне, с пафосом и глубоким патриотизмом прославлял её в стихах, особой любовью советских правителей не пользовался. Ему не прощали собственного

мнения, отсутствия подобострастности к высшей номенклатуре. Исключение он делал лишь для В.И. Ленина, которого, как и большинство советских граждан, идеализировал. А когда все охаивали Сталина после разоблачения «культа личности», в 1964 году Смеляков вдруг пишет ностальгическое стихотворение о могиле поверженного вождя, несмотря на 10 лет своего узничества в ГУЛАГе.

Писал Смеляков и стихи, публиковать которые в то время было невозможно: «Три витязя» — о репрессированных друзьях–поэтах, «Жидовка» — о еврейке–революционерке, которая в 1930–е годы славилась особой жестокостью, работая в органах НКВД, а потом и сама попала в ГУЛАГ. Формальный повод говорить о его антисоветизме был. С другой стороны, именно в «советизме» обвиняли его собратья по перу, вынужденные эмигрировать за рубеж. Так, Н.М. Коржавин порицал Смелякова за интервью корреспонденту газеты «Нью–Йорк таймс», в котором поэт критиковал за «антисоветскую» направленность произведения А.И. Солженицына о ГУЛАГе[21].

В последние 15 лет жизни Смеляков — признанный, маститый поэт, любимый читателями. Он выступает на радио, в телевизионных передачах, гораздо больше других советских литераторов ездит по стране, бывает в зарубежных командировках, встречается с молодыми поэтами России и других республик. Многие начинавшие тогда свой творческий путь авторы с благодарностью вспоминают его строгую, но всегда доброжелательную и справедливую критику[22]. Молодым литераторам он помогает публиковаться, отечески опекает их. Ярослава Васильевича уважают за стоический характер, принципиальность, доброту, юмор.

Интересный эпизод вспоминает Вячеслав Карасёв. В сентябре 1970 или 1971 года Смеляков приехал в Новомосковск к Степану Позднякову. Группа литераторов отправилась на Куликово поле отметить годовщину славного сражения. После тёплого дружеского застолья разместились на ночлег в большой трёхкомнатной палатке, поставив её метрах в 500 от запустелого тогда храма. Далее Карасёв пишет: *«Мы с братом заняли первую от входа комнату, а остальные — две другие комнаты. Во сне я почувствовал, как кто–то задел мою ногу. Открыв глаза, увидел Ярослава. Он стоял, нагнувшись, и дрожал от холода. На улице уже было светло. Он попросил меня чем–нибудь согреть*



Ярослав Смеляков с любимой собакой. 1964 г.

его. Алексей налил в стакан водки и подал ему. Он выпил. Услышав наш разговор, проснулись остальные ночлежники. Уняв дрожь, Смеляков рассказал, что он, когда мы улеглись спать, пошёл к памятнику, мысленно перебирая строчки нахлынувшего стиха. Сел на по-

стамент и задремал. В полудрёме почувствовал, что на него скачут монгольские кони. Прочитал стихотворение. Из него я запомнил две строки:

Здесь хан Мамай стоял с князьями,
На север взгляд свой устремив»[23].

К сожалению, полного текста этого произведения Смелякова найти не удалось. Возможно, стихи не были окончены.

Здоровье поэта, подорванное в лагерях, резко ухудшилось в конце 1960–х годов. До последних дней жизни он продолжал писать хорошие стихи, встречаться с молодыми литераторами, которых опекал, с друзьями. Поэт немного не дожил до своего 60–летия и скончался 27 ноября 1972 года. Похоронили его на Новодевичьем кладбище.

После смерти Смелякова вышли в свет его книги «Моё поколение» (1973), «Служба времени» (1975), собрание сочинений в 3 томах (1977–1978) и другие издания. Во второй половине 1980–х годов стали печатать и его стихотворения, которые раньше не пропустила бы цензура.

Ярослав Смеляков оставался верным убеждениям юности и даже в предсмертном бреду, по словам жены, всё с кем–то спорил, всё совет-

Могила Я.В. Смелякова на Новодевичьем кладбище в Москве

скую власть отстаивал. Он был крупным русским поэтом, но не гениальным мыслителем и провидцем.

Словно подводя итог своему творчеству, незадолго до смерти Ярослав Васильевич написал:

Что делать? Я не гениален,
Нет у меня избытка сил,
Но всё ж на главной магистрали
С понятьем собственным служил.

Критик В.В. Дементьев так оценивал творчество Смелякова: «Его лучшие строфы написаны на высокогорном уровне»[24]. «Он часть нашей жизни и часть нас самих», — отмечал эмигрант Н.М. Коржавин[25]. Десятки стихотворений Смелякова, даже по мнению критиков его творчества, прочно вошли в сокровищницу русской поэзии. В это избранное можно включить и несколько стихотворений, написанных Смеляковым на Угрешской земле или посвящённых происходившим здесь событиям. Не довелось ему больше побывать в Дзержинском. Ни с Марией Мамоновой–Проворовой, ни с Валентиной Климович–Макаровой он не встретился. В начале Великой Отечественной войны Валентина Аркадьевна эвакуировалась с заводом в Сибирь, где, видимо, осталась на постоянное жительство. Но имя этой прекрасной женщины поэт, конечно, не забыл. Одну из героинь его пьесы «Друзья Михаила Югова», написанной в 1947 году, зовут Валентина Аркадьевна.

Встречаясь с людьми из Дзержинского, Смеляков расспрашивал их о поселковой жизни. Однажды он беседовал по телефону с Т.Н. Рудко, которую называл в далёкой юности Вишней. Татьяна Николаевна продолжала созваниваться с его женой Т.В. Стрешневой уже после его смерти. В начале 1970–х годов Смеляков собирался приехать на литературный вечер во дворец культуры «Вертикаль», где в конце 1930–х годов располагалась редакция многотиражки «Дзержинец». К сожалению, тяжёлая предсмертная болезнь помешала поэту выполнить задуманное, и вечер прошёл без его участия.

Ссылки и комментарии

[1] Произведения Я.В. Смелякова цитируются по источникам:
Смеляков Я.В. Собрание сочинений в 3 томах. — М.: Молодая гвардия, 1977.
Смеляков Я.В. Стихи о любви. — М.: ЭКСМО, 2007.
[2] Сведения о Смеляковых в Воронеже приводятся по источникам:
Акиньшин А.Н. Смеляковы в Воронеже. Доклад на 157–х Краеведческих чтениях в Воронежской областной универсальной научной библиотеке имени И.С. Никитина // Угрешская лира. Вып. 5. — М.: МОО СПР, ДМУП «Информационный центр», 2017 (в печати). С. 232-235.
Смеляков А.Д. Воспоминания о моём дяде Ярославе Смелякове // Угрешская лира. Вып. 4. — М.: МОО СПР, БФ «Наш город», 2012. С. 212–220.
Ивановская В.И. Воспоминания о Ярославе Смелякове // Угрешская лира. Вып. 4. — М.: МОО СПР, БФ «Наш город», 2012. С. 196–211.
[3] *Ивановская В.И.* Воспоминания… С. 200–202.
[4] Там же. С. 204–206.
[5] *Касаткин В.* Рязанские стихи Ярослава Смелякова // Рязанские ведомости. 2003. №32. 20 февраля.
[6] История с подаренным Ярославом Смеляковым Маргарите Алигер кольцом излагается по источнику: *Лебединская Л.* Жизнь поэта замкнулась, как кольцо // Русский ювелир. 1998. №4(9).
[7] *Ивановская В.И.* Воспоминания… С. 209.
[8] *Меситов А.* «Чугунный, нежный голос мой…». Первые послелагерные годы поэта Ярослава Смелякова // Независимая газета. 2001. 8 мая.
[9] Сведения о трудкоммуне №2 НКВД и пребывании в ней Я.В. Смелякова излагаются по источникам:
Коммуна в Николо–Угреше. Г. Дзержинский Московской области. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», МАУК «Культурно–эстетический центр», 2012.
Рудко Т.Н. Воспоминания о Яре Смелякове. Рукопись интервью.
Митюшкин В. Ярослав Смеляков // Угрешские вести. 1999. №25–27.
Митюшкин В. День России // Угрешские вести. 1996. №37.
[10] *Митюшкин В.* Театр–студия // Угрешские вести. 1998. №7.
Митюшкин В. И встанет театр // Угрешские вести. 1997. №41.
Митюшкин В. Режиссёр Н.Н. Виноградов // Угрешские вести. 1998. №8.
[11] *Митюшкин В.* Репрессии 1937–1938 годов // Угрешские вести. 2001. №30–32.
[12] События, связанные с пребыванием Я.В. Смелякова в Сталиногорске (Новомосковске) излагаются по источникам:

Меситов А. «Чугунный, нежный голос мой…»
Бобкова М. Ярослав Смеляков в Сталиногорске // Угрешская лира. Вып. 3. — М.: МОО СПР, БФ «Наш город», 2012. С. 70–77.
[13] *Смеляков А.Д.* Воспоминания… С. 216–217.
[14] Цитируется по статье: Меситов А. «Чугунный, нежный голос мой…»
[15] Цитируется по книге: Дементьев В.В. Ярослав Смеляков. Сильный, как тёрн. — М.: Советская Россия, 1967.
[16] *Карасёв В.С.* Ярослав Смеляков в Сталиногорске. Воспоминания // Угрешская лира. Вып. 5. — М.: МОО СПР, 2017 (в печати). С. 236-244.
[17] *Фрид В.С.* 58 ½: Записки лагерного придурка. — М.: Издательский дом Русанова, 1996. С. 60.
[18] Первым мужем Т.В. Стрешневой был Леонид Михайлович Кацнельсон (1913–1944), поэт, журналист, военный корреспондент, затем ответственный секретарь фронтовой газеты «Боевой натиск», гвардии капитан. Их сын Владимир родился 17 января 1942 г. Л.М. Кацнельсон погиб под Шауляем 1 августа 1944 г.
[19] Смеляков иногда крепко выпивал, нецензурно выражался, что простительно после 12 лет заключения в советских и фашистских лагерях.
[20] *Коржавин Н.М.* Судьба Ярослава Смелякова // Грани. 1974. №91. С. 131–179.
[21] Там же.
[22] См. например: Крещик В.А. «На всех земных пирах…». Этюды о поэтах и поэзии. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 3–97. По этой книге излагается история арестов Смелякова.
[23] *Карасёв В.С.* Ярослав Смеляков в Сталиногорске. С. 244.
[24] *Дементьев В.В.* Ярослав Смеляков. Сильный, как тёрн.
[25] Коржавин Н.М. Судьба Ярослава Смелякова. С. 179.

Коммунар Ярослав Смеляков

Документальная повесть

Поезд со свистом подъехал к станции. Кондуктор открыл дверь, и Смеляков первым соскочил на высокую платформу. Лучи утреннего мартовского солнца брызнули ему в глаза, и он невольно прищурился. Вслед за ним высыпала на платформу рабочая молодёжь.

— Товарищ, где тут у вас управление коммуной? — спросил Ярослав у паренька в синем полупальто.

— Там, — махнул рукой юноша в сторону видневшихся за голыми деревьями зданий бывших церквей.

— А долго идти?

— Минут пять.

— Спасибо! — поблагодарил Смеляков и взглянул на часы.

Без четверти восемь. До назначенного в предписании времени оставалось 15 минут. Ярослав подождал, пока платформа опустеет. Ему захотелось оглядеться и закурить. Он достал початую пачку «Беломора» и затянулся. После тюремных самокруток хорошие крепкие папиросы доставляли ему особое удовольствие, почти забытое за два минувших года.

Арестовали молодого комсомольского поэта Смелякова в декабре 34–го, а в апреле 35–го осудили на три года «за участие в антисоветской группе». По такому же абсурдному обвинению посадили и его друга–поэта Павла Васильева, которого выпустили ещё в прошлом, 36–м году. И вот теперь условно освободили Ярослава, вернее, перевели в Люберецкую трудовую коммуну №2 НКВД.

В Москве он побыл с матерью, старшим братом и сестрой Зиной всего–то сутки, наговорился, отмылся, сменил тюремную одежду на гражданскую, которую носил до ареста. Из поэтов он успел повидаться только с Долматовским. Женя рассказал ему, что Павла осенью опять исключили из Союза писателей и месяц назад арестовали, а их общий друг поэт Борис Корнилов, которого в последнее время травили в газетах за богемную жизнь, теперь в Ленинграде, но уже с неделю от него ни слуху ни духу:

никто не может ему дозвониться и все подозревают худшее. Стихи Ярослава, написанные в тюрьме, Евгению понравились, особенно «Я вспоминаю…» и «Вот женщина…», но листки с ними он у себя не оставил: всё равно пока не сможет напечатать.

Рано утром Смеляков с сожалением покинул родную квартиру на Большой Молчановке, чтобы к 8 часам явиться в трудкоммуну к заведующему «тов. Смелянскому Е.П.», как значилось в предписании. Молодой поэт потуже затянул пояс на брюках, поверх рубашки надел связанный матерью толстый шерстяной свитер, чтобы старая куртка не болталась на нём, похудевшем в тюрьме, как на вешалке, и отправился на Казанский вокзал. До Панков, а оттуда до коммуны он добрался довольно быстро.

Ярослав спустился с платформы, повернул направо и не спеша зашагал по расчищенному от свежевыпавшего снежка тротуару мимо нескольких новых трёхэтажек. На домовых табличках значилось, что это улица Коммунаров. Слева переливался заснеженный лёд большого пруда. Впереди высилась стройная колокольня с поблёскивающим на солнце куполом без креста. «Красивая, — подумалось Ярославу. — Как огромная свеча». Он остановился возле бывшей монастырской стены с живописными башенками, похожими на кремлёвские, только гораздо меньших размеров. Увидев пробитый в кирпичной стене проход с открытыми воротами, Смеляков вошёл внутрь. Здесь был второй пруд, за ним виднелся большой собор без куполов с прорубленными прямоугольными окнами. Справа, в деревянном здании с покрытым тёсом фасадом и надписью над дверью «Музей», тоже угадывалась бывшая церковь. Смеляков спросил у спешившей навстречу работницы в тёплом комбинезоне:

— Девушка, как пройти к управляющему?

— Тут и идти нечего, — выпалила та, указав на крышу двухэтажного дома, видневшуюся из–за башенок. — Из ворот налево вдоль стены до конца. Там и вход.

— А как этот монастырь раньше назывался?

— Не знаю, — пожала плечами девушка и заспешила дальше по своим делам.

— Я знаю, товарищ, — услышал Ярослав густой красивый баритон из–за спины. — Николо–Угрешский. Ему больше пятисот лет.

Смеляков оглянулся. Перед ним стоял высокий красивый парень в модном элегантном пальто.

— Будем знакомы. Ерастов. Ваня, — представился он и протянул руку для приветствия.

— Смеляков. Яра, — ответил Ярослав, пожимая руку.

— Ты новенький или по делам к нам?

— Новенький.

— А я здесь с 28–го года. Видел эти здания ещё с куполами. И Горького встречал — он к нам приезжал тогда. Тебе, наверное, в управление?

— Мне к товарищу Смелянскому.

— И мне, — продолжил Ерастов. — Я здесь по снабжению работаю, на летучку спешу. Кстати, дом, где теперь квартира управляющего, раньше назывался архиерейским, важные владыки в нём останавливались. Мне жена рассказывала, она местная. А эта узорная стена называлась Палестинской, потому что

город Иерусалим изображала. Ну идём скорей, а то вот–вот восемь пробьёт. Ефим Палыч тебе обязательно поможет — душа–человек!

— И я тоже по снабжению в потребкооперации работал, только это было давным–давно — в 29–м году. А теперь меня направили в газету. Корреспондентом буду.

— Да ты писатель?

— Больше поэт.

— Вот здорово! — Иван даже чуть замедлил ход, видно, что–то припоминая, и спросил:

— А «Любку Фейгельман» ты написал?

— Я.

— Отличные стихи! Здорово, что ты у нас работать будешь! А то газета наша — «Коммунар» — скукотень одна.

Ответить Ярослав не успел. На колокольне мелодично заиграли куранты и начали бить восемь. Ребята уже дошли почти до конца Палестинской стены и, не сговариваясь, побежали к двери. Через минуту они уже были в приёмной расположенного на 1–м этаже кабинета управляющего.

— Здрасте, товарищ Артамонова. Летучка началась? — спросил Иван с порога.

— Нет, одного тебя ждут, — строго ответила секретарша, приятная брюнетка лет 40–45 с толстой обвитой вокруг головы косой.

Ерастов быстро вошёл в кабинет. Ярослав показал секретарше своё предписание. Та велела ему подождать конца совещания и принялась печатать какие–то бумаги. Под бойкий стрекот её пишущей машинки Смеляков, сидя на добротном деревянном стуле, стал внимательно разглядывать обстановку приёмной. Белёные стены и потолки, деревянный дощатый пол, в углу — высокий старинный шкаф, с которым контрастировал новый стол Артамоновой. На стене висел портрет чекиста в папахе с волевым лицом и добрым глубоким взглядом. Человек этот почему–то показался Ярославу знакомым, но спросить строгую секретаршу он не решился.

Не прошло и получаса, как совещание кончилось, из кабинета управляющего вышли озадаченные руководящие работники коммуны и направились по своим делам. Последним на минутку появился управляющий — довольно высокий плотноватый человек приятной наружности с тёмными слегка вьющимися волосами. Вид у него был озабоченный. Он сказал секретарше:

— Товарищ Артамонова, пока никого не пускайте ко мне. Мы с Перепёлкиным тут побеседуем. Ты новенький? — дружелюбно спросил он Смелякова.

Тот кивнул.

— Обожди, брат, немного. Разберусь с важными делами и вызову.

Пришлось ещё с полчаса просидеть в приёмной. Ярослав всё–таки осмелился спросить секретаршу о Перепёлкине. Та вкратце рассказала ему, что Павел Степанович был до 35–го года управляющим, при нём построены четыре завода коммуны, музыкальная фабрика, клуб и жилые дома. Теперь он живёт в Москве, управляет всеми трудкоммунами страны, но здесь часто бывает по делам, навещает мать, младшего брата Васю и, конечно, своих воспитанников.

— Коммунары Перепёлкина любят, — закончила секретарша и снова застрекотала на машинке.

Наконец из кабинета вышел высокий красивый мужчина в гимнастёрке без знаков различия. Ярослава сразу привлекли его большие лучистые глаза.

— Что, братец, в коммуну поступаешь? — понимающе подмигнул он и широко улыбнулся.

— Да.

— Не гляди так насторожённо. Всё у тебя будет теперь хорошо. — Перепёлкин похлопал его по плечу. — Успеха тебе! Проходи.

Смеляков поблагодарил и зашёл в кабинет. На лице управляющего ещё была видна озабоченность. Ярослав не мог знать, о чём он говорил с Перепёлкиным. А разговор оказался очень тяжёлым. Павел Степанович передал Смелянскому рассказ знакомого учителя из Болшевской трудкоммуны

№1. Тот ездил в город Горький к зачинателю коммунарского движения Погребинскому, который создал в стране несколько трудкоммун, привлёк в них тысячи ребят, болтавшихся на улице или сидевших в тюрьмах, наладил их новую трудовую жизнь. Теперь Матвей Самойлович, будучи уже не первый год на должности начальника НКВД в Горьком, находился в подавленном настроении. Он по роду службы вынужден участвовать в набирающих обороты репрессиях. Коллеге, которому он очень доверял, сказал, что не понимает происходящего, что больше не может одной рукой перевоспитывать беспризорников и молодых правонарушителей, а другой — сажать в тюрьмы и лагеря лучших сынов партии по ложным обвинениям. Погребинский собрался даже писать письмо Сталину об этом. Обстановка подозрительности вокруг него и созданных при его участии коммун начинала накаляться.

Увидев Ярослава, Смелянский привычно скинул с лица маску озабоченности, пробежал глазами его предписание, улыбнулся и неожиданно протянул руку для приветствия. Обменявшись с управляющим рукопожатием, Ярослав сразу почувствовал себя увереннее. Этому способствовала и простая обстановка кабинета: из мебели — только недорогой гардероб и массивный книжный шкаф, покрашенный серой краской металлический сейф, посередине кабинета поставленные в ряд столы со стульями для посетителей и двухтумбовый заваленный бумагами стол самого управляющего. Единственной старинной вещью было бюро, стоявшее у окна. Над столом висел портрет Сталина, а напротив окна — наркома Ежова.

— Присядь–ка. Пиши заявление в коммуну, — сказал Ефим Павлович, положив перед Ярославом чистый лист бумаги. — Примем тебя завтра на комиссии. Мы обычно на общем собрании принимаем, но не с твоей статьёй. Наслышан о тебе. Поэт, значит, почти мой однофамилец! «Любка Фейгельман» — твоё стихотворение?

— Да, — ответил Ярослав, не ожидая, что управляющий может интересоваться поэзией.

— Вот и славно. Твою книжку «Работа и любовь» я читал. Хорошо о труде пишешь. Такие стихи в газете нам нужны. Мы ведь задумали отдельно от первой коммуны свою газету выпускать с названием «Дзержинец». Надоело в Болшево в редакцию «Коммунара» материалы возить: получается неоперативно, неповоротливо. Наши рабкоры обижаются, что их корреспонденции не все помещают — места не хватает. Нужна, нужна нам своя газета. У тебя опыт–то есть?

— Я до 34–го года писал в газеты и репортажи, и очерки.

— Хорошо. Но здесь тебе скоро самому придётся компоновать номера, работать с рабкорами. Ответственный редактор будет только просматривать всё, контролировать, приносить публикации от нашего начальства. Стенгазеты тоже твоя обязанность. Критика и самокритика — вот теперь важная задача, поставленная последней партконференцией. Мы нашу стенгазету в управлении назовём «За самокритику». Первый номер «Дзержинца» должен выйти недели через две–три. Сначала будешь под крылом у ответственного редактора Медовой. Но мы скоро её переведём на партийную работу. Справишься?

— Постараюсь.

— Ты с поэтами нашими позанимайся, кружок организуй, на пушкинскую выставку в Москву их свози.

— Попробую. И на выставку обязательно съездим, я сам там не был.

— Да, у нас в коммуне сухой закон. Строгий. Мат и жаргон тоже под запретом.

— Неужели не нарушают?

— Нарушают, бывает. И об этом надо тоже писать в газете. Мы злостных нарушителей на общем собрании по субботам в клубе пропесочиваем.

Намёк управляющего Ярослав понял, конечно. Смелянский, завизировав его заявление, распорядился:

— Зайдёшь сейчас в бухгалтерию. Я туда позвоню и распоряжусь, чтоб тебе выдали «маму», — и в ответ на вопросительный взгляд Смелякова продолжил: — «Мамой» здесь называют

бесплатные коммунарские карточки на питание, проживание в общежитии и одежду–обувь. Устроишься, пообедаешь и приходи к моему заместителю по политчасти товарищу Щербакову. Он курирует газету и введёт тебя в курс дела.

Ярослав поблагодарил Смелянского и отправился в бухгалтерию. Карточки ему выдали без проволочек, но устройство в общежитии и особенно подбор вещей на складе заняли часа два. Комендант выделил ему свободную койку в комнате, где жили несколько парней, и место в общем гардеробе, куда Смеляков быстро выгрузил своё нехитрое добро из вещмешка. Никелированная койка оказалась удобной, с чистым бельём.

— Такие кровати у нас в коммуне делают, — с гордостью заметил комендант, серьёзного вида молодой парень, на поясе у которого висел пистолет в кобуре: он единственный из коммунаров имел здесь право ношения оружия.

— Спасибо большое. Кровать в самом деле хорошая. А где у вас тут склад?

— Из дверей налево метрах в ста, — деловито ответил комендант.

Кладовщица, по возрасту годящаяся Ярославу в матери, быстро измерила у него размер груди, шеи, рост по сантиметровым меткам на деревянном косяке и запричитала:

— Господи, худой–то какой! Где ж я тебе рубашку 36–го размера по вороту сыщу при этаком–то росте? 176 сантиметров! У меня такие только на 158 да на 164.

Ярослав смутился. Он после тюрьмы в своей доарестной экипировке и вправду выглядел подростком в одежде на вырост.

— Ну если немного велика будет, не беда,— пробормотал он.

— Погоди–ка, есть у меня вроде 37–го размера на такой рост и брюки 46–го. Даст Бог, поправишься у нас, в самый раз будут. А пиджак уж не подберу, не взыщи, нет пока твоего размера.

Кладовщица нырнула вглубь склада и принесла Ярославу новую рубаху и чёрные брюки. Выдав ему ещё комплект нижнего белья, кожаные ботинки и вельветовые тапки, она отрезала

от карточки Смелякова нужные купоны. Сложив обновки в вещмешок, тот поблагодарил её за заботу и, попрощавшись, бодро зашагал к общежитию. Настроение у поэта улучшилось, он даже улыбнулся, глядя, как вешнее солнышко растапливает тонкий слой свежего белого снега на молоденьких зелёных ёлочках.

Неподалёку от дверей склада Ваня Ерастов что–то бойко объяснял водителю полуторки. Видать, инструктировал того, как проехать за грузом.

— «Маму» получил? — окликнул он Ярослава. — Дело хорошее.

— Да, выдали вот самое необходимое.

— Ты смотри в столовку к двенадцати не опаздывай. Она у нас на втором этаже в соборе. Ребята в обеденный перерыв набегут — мало что останется. Купон на раздаче отрывают только за второе, так некоторые особо голодные умудряются по два первых съесть.

— Да я и не опоздаю, целых полчаса в запасе. А ты идёшь?

— Не, я попозже, дел много. Надо три машины за материалами отправить. Мне Таня, моя жена, оставит. Она на фабрике–кухне раздатчицей работает. Ты её сразу узнаешь — глазастая такая, улыбчивая. Ну пока, — откланялся Ваня и побежал в заводоуправление.

— Пока.

Ярослав поправил потяжелевший вещмешок на плече и пошёл к общежитию. Там он быстро выгладил новую рубашку и брюки и, переодевшись, отправился в столовую.

Без пяти двенадцать у входа уже стояло несколько человек. Смеляков занял очередь и, когда дверь открылась, взял поднос и встал к окну раздачи. На стенах в столовой висели лозунги, которые показались Ярославу интересными: «Хошь живи, не хошь — уходи», «Все отвечают за каждого, каждый отвечает за всех», «Чтобы жить трудовой жизнью, надо уметь что–нибудь делать», «Воспитывая из себя сознательного пролетария, помогай сделаться им и другим», «У нас все должны учиться», «Каждый должен украшать дом, в котором живёт, улицу, по которой ходит», «Честь

коммуны превыше всего, все в ответе за неё», «В коммуне сухой закон для всех», «Будь вежлив в обращении со всеми», «Пресекай азартные игры и воровство», «Человек труда никогда не позволит себе присвоить чужую копейку».

«Наверно, это не просто агитки, а всамделишные правила жизни здесь», — подумалось Смелякову. Во всяком случае, в коммуне не воровали. Даже в магазине штучный отдел работал без продавца и кассира: Ярослав просто положил мелочь в ящик, когда забежал на минутку купить себе спичек и пачку папирос.

Ванину жену он и впрямь легко узнал: она разливала первое и всем улыбалась, желая приятного аппетита.

— Спасибо, Татьяна! — поблагодарил он её, когда та наливала ему в тарелку порцию борща.

— На здоровье. А откуда ты знаешь моё имя, ты ж новенький?

— Маленький секрет, — улыбнулся Ярослав.

— Небось, с Ваней моим уже познакомился, он и сказал про меня?

— Так и есть. Меня зовут Яра.

— Приятного аппетита! — пожелала Таня, доливая тарелку до краёв.

Взяв второе и стакан компота, Ярослав сел за свободный столик. Он с удовольствием наворачивал наваристый борщ, когда к нему подсел паренёк лет семнадцати.

— Приятного аппетита! Давай знакомиться. Лёнька Пушковский.

— Яра, — Смеляков пожал руку новому знакомому.

— Я здесь третий год, на музфабрике работаю. Стахановец. Раньше беспризорником был. Целых четыре года. А ты?

— Я сегодня только прибыл, в газете буду работать.

— Здорово! Напишешь про нашу фабрику? А то я бы больше выработку давал, когда б мне станок вовремя чинили. Позавчера полдня из–за этого простоял.

— Как–нибудь напишу. Обязательно. Только разберусь сначала во всём. А какие инструменты вы делаете?

— Домры, балалайки, гитары, баяны и даже скрипки.

— Хорошие?

— Ага! У нас в прошлом году сам маршал товарищ Тухачевский скрипку себе заказывал. Сделали ему, он хвалил. Мастера на фабрике что надо.

— Ну а где ж твои коллеги–стахановцы?

— Да они пол–обеда за станками вкалывают, чтоб больше нормы дать.

— А ты что же?

— Я вовремя всегда ухожу. И полторы–две нормы даю. Мне оставаться после работы некогда. В вечерней семилетке учусь, скоро заканчиваю.

— И как учёба? — спросил Ярослав Лёньку, доедая котлету с картошкой.

— Нормально, учителя хвалят.

Тут в столовую ввалилась группа ребят и девчат, и все, шумно переговариваясь, встали в очередь к раздаче.

Ленька залпом допил компот и стал прощаться с Ярославом:

— Мне пора. Хочу физику повторить до конца перерыва.

— И мне тоже через 10 минут надо к заму управляющего по политчасти.

— К Щербакову? Я тебе покажу, где его кабинет.

— Вот спасибо!

Они отнесли грязную посуду к окошку мойки, и Лёнька довёл нового знакомого до кабинета замполита.

— Можно? — спросил Смеляков, приоткрывая дверь.

— Входи, входи! Смелянский мне говорил про тебя, — приветливо ответил Щербаков и представился:

— Михаил Петрович.

— Ярослав.

— Я думаю так: сначала ты поработаешь корреспондентом, а через пару месяцев будешь ответственным секретарём, когда Медова Анна Андреевна уйдёт на партработу. Другого ответственного редактора назначим, но он больше для контроля публикуемых материалов. Верстать номер — твоя обязанность. К тебе

будут поступать заметки рабкоров, статьи от наших профсоюзов, комсомольцев и коммунистов. Ну и из района будут важные материалы присылать. Эти даже редактировать не придётся. Только объём рассчитать для номера. Справишься?

— Очень постараюсь. Дело знакомое. Я полиграфическое ФЗУ в 31–м закончил, потом наборщиком в типографии работал.

— Вот и ладно. Пошли, я тебя познакомлю с сотрудниками редакции.

Редакция занимала комнаты 12 и 13 на втором этаже клуба. В 13–й был стол, несколько стульев и диван. Здесь иногда сидела Медова, строгая, довольно молодая женщина. Из 12–й раздавался мерный стрекот пишущей машинки. Щербаков представил Ярославу машинистку Анну Ивановну Морозову и экспедитора Аню Илюнину, симпатичную девушку лет восемнадцати. На правой руке у неё сияло новенькое обручальное колечко.

— Анна будет собирать корреспонденции от рабкоров и доставлять сюда, а готовый номер возить в Москву в Мособлгорлит и потом сразу в типолитографию имени Воровского, — отрекомендовал её Щербаков. — Серьёзная и исполнительная сотрудница, надёжный товарищ.

— Очень приятно, — Ярослав пожал девушке руку. Её открытый приветливый взгляд внушал доверие.

– Я бы хотел познакомиться с рабкорами, обсудить, о чём и как предстоит писать, — продолжил Смеляков. — Может, кто–то стихи сочиняет или прозу?

— Всех сразу не соберу, они в разных сменах работают. Завтра их предупрежу, — ответила Аня. — А стихи много кто пишет. Лёня Мариани, наш директор музфабрики Алексей Чекмазов, Коля Аристархов и другие ребята. Познакомлю со всеми.

— Мне бы и стенгазеты посмотреть.

— Одна большая стенгазета здесь, в фойе висит, другая — в управлении, а ещё есть на каждом заводе и в общежитии. Пошли, я покажу.

Всю вторую половину дня Ярослав изучал стенгазеты, но по ним трудно было представить полную картину жизни коммуны.

Анины рассказы и пояснения ему очень помогли. На стенах в клубе висели портреты вождей и руководителей НКВД. Среди них был знакомый портрет чекиста в кубанке.

— Аня, а это кто? — спросил Смеляков.

— Матвей Самойлович Погребинский. Коммунары зовут его Кубанкой. Он многих из тюрем вызволил, Болшевскую коммуну организовал и у нас бывает часто. Сергеев в кино «Путёвка в жизнь» с него сделан. Смотрел?

— А как же! Наш первый звуковой фильм. Вот мне и показалось, что я уже видел Погребинского. А теперь он где?

— В городе Горьком начальник НКВД. Наши коммунары к нему прошлый год ездили в гости. И он к нам приезжал.

— О нём что–нибудь есть почитать? — заинтересовался Ярослав.

— Он сам две книжки написал. Возьми в библиотеке.

Вечером Смеляков познакомился с ребятами в общежитии. Встретили его приветливо, не спрашивали, за что и сколько он сидел. После ужина кто читал, кто готовил уроки, кто ушёл на свидание с девушкой. Ярослав присоединился к компании ребят, игравших в домино.

Первый день в коммуне прошёл очень насыщенно. Та теплота, с которой к нему отнеслись, тронула его и внушила надежду. Люди здесь, похоже, доверяли друг другу. Но по опыту он знал, что в любом коллективе могут быть доносчики, и откровенничать с кем–либо пока опасался.

Уже на следующий день Ярослав активно включился в работу. Утром Аня отвела его в библиотеку. Там младшим библиотекарем работала её 16–летняя сестра Таня Волкова. Пока девушка подбирала ему книги, он невольно залюбовался ею: спортивная, стройная, с ясными глазами и задорными ямочками на щеках. «Хорошенькая и румяная, как вишня», — подумал Смеляков. Он ничуть не удивился, когда через несколько недель Танечке досталась роль Вишни в остроумном скетче. Ярослав так и прозвал её — Вишней.

Он взял томик Пушкина и книги Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ» и «Фабрика людей», чтобы лучше узнать ком-

мунарскую жизнь. В редакции он целый день внимательно просматривал подшивку газеты «Коммунар». В обеденный перерыв на музыкальной фабрике собралось бюро актива под председательством Алексея Чекмазова, худощавого мужчины среднего роста. По внешности никак нельзя было предположить, что он имеет серьёзное уголовное прошлое. В 1924 году Погребинский вытащил парня из Соловков в трудкоммуну №1, где тот не только отказался от старых привычек, но и проявил незаурядные организаторские и актёрские способности. А потом его перевели в Николо–Угрешу, и он уже лет девять возглавлял здесь бюро актива коммуны, одно время работал завклубом, а теперь директорствовал на музыкальной фабрике, помещавшейся в бывшей конюшне. Чекмазов удачно женился на очень красивой девушке Анне Макаровой, которая приехала в коммуну с родителями в начале 30–х годов. Жену и маленьких дочек он обожал. Всё было бы у него замечательно, если бы не донимавшая время от времени чахотка, подхваченная в Соловках.

Лишних вопросов Ярославу Алексей и члены актива не задавали, ограничились обещанием новичка соблюдать правила коммуны и без проволочек приняли его. Так он стал коммунаром Смеляковым. Чекмазов дал ему почитать журнал «За коммуну», где опубликованы его стихи, весьма неплохие.

После ужина в редакцию стали заходить рабкоры. Некоторые показывали Ярославу свои стихи. Он намеревался раз в неделю собирать местных поэтов, чтобы коллективно обсуждать их творения, но на первых же занятиях ребята стали спорить, обижаться на замечания собратьев по перу. Кроме того, в апреле начала дважды в неделю выходить газета «Дзержинец», и у Ярослава не оставалось времени проводить занятия по вечерам, а в воскресенье он старался получить увольнительную, чтобы съездить в Москву к матери, которую очень любил. Ольга Васильевна сильно переживала, когда сын сидел в тюрьме, очень ждала его и много молилась. Ярослав в детстве воспитывался в православном духе, но в московской школе, как и почти все его сверстники, стал атеистом. Однако чувства матери уважал и ни-

когда не позволял себе при ней ни одного пренебрежительного слова о Боге.

В одно апрельское воскресенье Смеляков собрал рабкоров и поехал с ними в Государственный исторический музей на юбилейную Всесоюзную Пушкинскую выставку. Сколько здесь было уникальных и очень интересных экспонатов! Ярослав с трепетом рассматривал личные вещи любимого поэта, его автографы, прижизненные издания, портреты и… доносы на него, анонимки, на которые экскурсовод обратил особое внимание посетителей.

Не всё так радужно было и в коммуне. Незадолго до 10 апреля — дня выхода в свет первого номера «Дзержинца» — пришли трагические известия: 4 апреля арестовали Генриха Ягоду, министра связи, бывшего наркома внутренних дел. И в тот же день застрелился начальник Горьковского НКВД Матвей Самойлович Погребинский, оставив предсмертное письмо Сталину. В Болшевской коммуне вскоре начались аресты, ведь она носила имя Ягоды. Руководство Люберецкой коммуны ходило хмурое, хотя Николо–Угрешу репрессии пока обходили стороной. Словно имя Дзержинского, полученное коммуной в 1936 году, хранило её до поры до времени.

Смеляков с головой погрузился в коммунарскую жизнь, появляясь с блокнотом и пером на заводах и фабриках, в общежитии, на стадионе и, конечно, в клубе, который был идеальным местом расположения редакции. Здесь работали кружки, студии, секции и народный драмтеатр. Им руководил Николай Николаевич Виноградов, актёр Первого московского передвижного рабочего театра.

Однажды Ярослав засиделся допоздна в 12–й комнате, подбирая заметки для очередного номера «Дзержинца». Аня Илюнина осталась ему помогать. Она ждала мужа Лёву, занятого в театре. В коридоре раздался шум: закончилась репетиция. Ребята и девчата высыпали из малого зала в просторное фойе. Смеляков как раз завершил свою работу и выходил из редакции. Его внимание тотчас привлекла одна девушка, самая красивая из всех:

правильные черты лица, большие сверкающие глаза — серые с игривым зеленоватым оттенком, — необыкновенно грациозные и пластичные движения, выразительная мимика — всё это очень выделяло её среди подруг. Девчата прошли мимо Ярослава, не обратив на него никакого внимания.

— Кто она? — спросил он у Ани.

Та сразу догадалась, о ком речь:

— Маша Мамонова. Она скоро дебютирует у нас в пьесе Гусева «Слава», в главной роли. Лётчицу Лену Медведеву будет играть. Машенька очень талантлива, она раньше занималась у нас в самых разных кружках — фортепиано, хореографии, театральном. К Максиму Горькому в 35–м на дачу выступать ездила, когда к нему Ромен Роллан приезжал. Николай Николаевич на неё очень надеется. Ой, мне пора, — заторопилась Анна, увидев Лёву, выходившего из зала последним, вместе с Виноградовым.

Ярослав дождался следующей репетиции, чтобы познакомиться с прелестной Машенькой. Она играла очень естественно. Смелякову не надоело смотреть целый час мизансцену, которую режиссёр заставлял её повторять с партнёрами. После репетиции Ярослав подошёл к девушке, представился ей и попросил ответить на несколько вопросов. Маша, видно, спешила куда–то и отвечала очень кратко, по привычке слегка кокетничая. Она почти не обратила внимания на нового корреспондента. «Белобрысый, невидный какой–то», — подумалось ей.

Поэт и впрямь не отличался яркой внешностью: светловолосый, ушастый, брови и ресницы белёсые, глаза бледно–голубые, неулыбчивые. Впрочем, Тане Волковой, которая дружила с ним, но вовсе не была влюблена, нравился его бархатистый баритон, а цвет глаз Ярослава она сравнивала с оттенком цветков цикория, выгоревших на солнце.

В конце апреля состоялась премьера. Машенька в роли лётчицы Лены Медведевой была не просто хороша — блистательна. Она, казалось, не играла — жила на сцене. После спектакля зал взорвался овациями.

— Мамонова! Мамонова! — скандировал Ярослав вместе со зрителями, много раз вызывая дебютантку на поклоны. Ей подносили скромные букетики первоцветов, собранных в ближайшем Гремячевском лесу, а один парень где–то достал тюльпаны.

Смеляков написал в газету восторженный отзыв и поместил его в ближайшем номере, подписавшись псевдонимом Старик. Машенька всё больше занимала его воображение. Любовь это или простое увлечение, он не мог понять, но его неудержимо тянуло к ней, такой яркой и талантливой.

К Первомаю Ярославу выписали премию, причём не деньгами, а бонами. В коммуне на площади у бывшего монастыря был двухэтажный магазин вроде торгсина, где продавались за боны дефицитные вещи. Там Смеляков купил себе модный коверкотовый костюм бежевого оттенка и подходящий к нему кирпичного цвета галстук. В этом костюме он ходил теперь и на работу, и на прогулки.

Ясным субботним вечером Ярослав решил пригласить Машеньку в кино. Он пораньше поужинал в столовой, которая после семи работала как ресторан, пришёл в клуб к открытию кассы и взял два билета в последний ряд на семичасовой сеанс на лирическую комедию «Цирк» с участием Любови Орловой и Сергея Столярова.

На полшестого была назначена репетиция: театр коммуны готовился к спектаклю в Люберцах. Ярослав купил букет махровой сирени у бабушки–цветочницы и поспешил к репетиционному залу. Но подняться на второй этаж он не успел. К его удивлению, Мамонова с подружками уже выходила из дверей клуба на улицу. Девушки весело пересмеивались о чём–то своём.

— Привет! Репетицию отменили? — спросил Смеляков, протягивая Маше букет.

— Да, Николай Николаич позвонил. Его в театре поставили в сегодняшний спектакль. Какой–то актёр у них заболел. В понедельник репетировать будем, — ответила та, приняв букет как должное, и с удовольствием вдохнула аромат персидской сирени, цвет которой удивительно гармонировал с её голубым платьем.

Машенька улыбнулась и взглянула на Ярослава своими «звёздными» глазами. Но пригласить её на сеанс он не успел: следующее мгновение она уже смотрела куда–то в сторону.

— Андрюха… — нежно прошептала девушка. — Ну, всем пока! — она сунула букет подружке и устремилась к высокому красивому коммунару, который выходил из кассы клуба с двумя билетами.

Это был тот самый парень, который на премьере преподнёс ей тюльпаны. Андрей по–хозяйски обнял её за талию, и они прошли мимо в парк, никого не замечая. До обескураженного Ярослава донеслись обрывки их разговора:

— В последний… На семь.

— В поцелуйный! Здорово!..

Ярослав, стараясь не выдать своего огорчения, отдал билеты двум подружкам Маши:

— Девчата, сходите в кино.

— А сам что ж не идёшь?

— Не смогу. Срочные дела в редакции. К тому же фильм «Цирк» я уже видел в Москве. И ещё раз посмотрю, только не сегодня. Замечательная комедия!

— Спасибочко! — обрадовались ничего не подозревавшие девушки и, попрощавшись с Ярославом, тоже пошли в парк.

— Ярочка, привет! — услышал он звонкий голос Тани Волковой, которая только что закончила работу в библиотеке.

— Привет, Вишня!

— У тебя костюм новый! Очень хороший!

— Купил с премии. А ты куда спешишь?

— Сначала домой ужинать, а потом на лодках кататься. Идут Аня с Лёвой, Вася Перепёлкин, Таня Слободчикова. Давай с нами!

— Нет, не могу. Мне надо отредактировать заметки рабкоров, — отказался Ярослав, решив сделать работу, запланированную на утро понедельника.

— Ну ладно, пока! Счастливо поработать, — Таня легко вскочила на велосипед и, помахав Ярославу рукой, помчалась домой.

Смеляков понуро поднялся в 12–ю комнату. «Хороша Маша, да не наша», — горько вздохнул он. Случись с ним такое до ареста, он бы, наверное, напился, чтоб расслабиться и обо всём забыть. Но здесь ему могла помочь только работа, и он принялся разбирать заметки рабкоров, разложил их по темам, отобрал те, которые пойдут в текущий номер. Дальше дело застопорилось. Мысли приняли поэтический оборот, нахлынули образы, и Ярослав принялся сочинять стихотворение. Он написал сначала одно четверостишие, следом другое, сделал несколько поправок в каждом из них, потом подумал, поменял их местами, добавил четыре стиха и перебелил:

Солнечный свет. Перекличка птичья.
Черёмуха — вот она, невдалеке.
Сирень у дороги. Сирень в петличке.
Ветки сирени в твоей руке.

Чего ж, сероглазая, ты смеёшься?
Неужто опять над любовью моей?
То глянешь украдкой. То отвернёшься.
То щуришься из–под широких бровей.

И я, как дурак, в середине мая
в жаре и цветах, в предвечернем дыму
вдруг хохочу или вдруг вздыхаю,
согласно желанию твоему.

Не окончив стихотворения, он открыл окно и поглядел в сторону пруда, откуда долетал аромат черёмухи и сирени, мелодии духового оркестра и гармошки. Больше поэтические строки не рождались, но те, что уже выплеснулись на бумагу, успокоили Ярослава, и он деловито принялся редактировать заметки. Обработав всю стопку, он аккуратно сложил листки возле пишущей машинки. Анна Ивановна Морозова послезавтра придёт на работу и быстро их перепечатает. Зато Смеляков, у которого в кармане лежала увольнительная до утра понедельника, теперь сможет заночевать

дома у матери и приехать в редакцию к 8 утра прямо из Москвы. А иначе ему бы пришлось возвращаться вечером, чтобы прийти в полседьмого и успеть подготовить задание для машинистки.

Без четверти девять Ярослав закрыл комнату, сдал ключ вахтёрше и пошёл к верхнему пруду. Гулянье было там в самом разгаре. Молодёжь каталась на лодках, танцевала, пела, люди постарше прогуливались вокруг пруда с детьми, пили газировку, ели мороженое. Смелянский гулял с женой Александрой Демьяновной, непременной участницей всех коммунарских культурных и спортивных затей, и тремя детьми. Крошка Леночка, которой в марте исполнился годик, сидела у отца на плечах, а девятилетний Юра и шестилетняя Инга, немного отстав от родителей, перебрасывались мячом. Ефим Павлович приветливо улыбнулся Ярославу:

— Как дела? В редакции засиделся?

— Да. Заметки к понедельнику готовил.

— Молодец, у тебя хорошо получается. Гуляй, братец, отдыхай теперь. А нам уже домой пора — малышку укладывать. До понедельника.

— До свидания.

Смелянский помахал рукой Перепёлкину, который катался на лодке с женой Анастасией Яковлевной и дочками Машей и Раей, и пошёл домой, а Леночка, обернувшись, продолжала махать пухленькой ручкой дяде Паше. Тёплый ветерок забавно шевелил светлые кудряшки, обрамлявшие милое личико девочки.

На лодках катались и Таня Волкова с Илюниными, и Вася Перепёлкин со своей девушкой, и Машенька Мамонова с Андреем. Ярослав невольно вздрогнул, услышав её счастливый серебристый смех. Ваня Ерастов, сидя рядом с женой на скамье у пруда, играл на собственноручно собранном баяне импровизацию по мотивам старинных русских романсов. Вокруг Вани толпилась молодёжь, которая ему подпевала.

Солнце уже зашло, но сумерки оставались пока светлыми, на небе слегка розовели лёгкие перистые облака и одна за другой зажигались весенние звёзды, у пруда наливались матовым светом

шарики фонарей, а в кустах вспыхивали крошечные огоньки светлячков. Смеляков чувствовал себя уютно среди этих людей, которые строили здесь, как ему казалось, настоящий город–сад. Сделав несколько кругов у пруда и по дорожкам парка, он вернулся в общежитие. Соседи по комнате уже улеглись, а поэт всё сидел за столом и дописывал своё стихотворение, с ходу сочинив начало:

Светом солнечным, светом лунным,
майскими звёздами освещена
не только Люберецкая коммуна —
вся наша Родина, вся страна.

Перед его глазами оживала картина вечернего пруда, окрашенного нежными тонами заката, и одна за другой на бумаге появлялись строки:

И кажется: вот ещё два мгновенья,
и я в этой нежности растворюсь,—
стану закатом или сиренью,
а может, и в облако превращусь.

Концовку ему захотелось сделать всё–таки мажорной, созидательной:

Не лучше ль под нашими небесами
жить и работать для счастья людей,
строить дворцы, управлять облаками,
стать командиром грозы и дождей?

Не веселее ли, в самом деле,
взрастить возле северных городов
такие сады, чтобы птицы пели
на тонких ветвях про нашу любовь?

Чтоб люди, устав от железа и пыли,
с букетами, с венчиками в глазах,
как пьяные между кустов ходили
и спали на полевых цветах.

Стихи подняли ему настроение. Независимо от обстоятельств он испытывал ощущение счастья от самого процесса их сочинения. Набело переписав стихотворение и добавив название «Майские звёзды», Ярослав закрыл рабочий блокнот. Пусть стихи отлежатся немного, а потом он опубликует их в газете.

Заснул он на удивленье быстро, утром бодро вскочил со звонком будильника и с одним из первых поездов поехал в Москву. На Казанском вокзале работало радио, передавали песни советских композиторов. Ярослава словно полоснуло по душе объявление диктора: «Музыка Дмитрия Шостаковича, слова народные. «Песня о встречном». "Нас утро встречает прохладой…"» Это же стихи Борьки Корнилова! Что с другом? Где он? Жив ли? Из уличного автомата Смеляков позвонил Жене Долматовскому и Василию Васильевичу Казину, своему первому редактору, договорился с ними о встрече и поехал к матери.

К приезду сына Ольга Васильевна напекла блинов. Вкусно позавтракав и позанимавшись с восьмилетним племянником Сашей, Зининым сыном, Ярослав отправился к Казину, куда приехал и Женя. Новости у них оказались плохие. От Павла Васильева вестей никаких — как сгинул в казематах НКВД. Бориса Корнилова тогда, в марте, в Ленинграде арестовали. О нём тоже ничего толком неизвестно. Друзья немного выпили в кафе за их освобождение, обсудили несколько стихотворений и разошлись как–то грустно.

Вернувшись в коммуну, Ярослав снова по уши окунулся в газетные будни. На заводе «Спартак» он однажды брал интервью у ребят–стахановцев, потом у начальника цеха. Во время беседы в кабинет вошла симпатичная молодая женщина из бухгалтерии отдать какие–то документы. Она была в синем английском костюме, белой блузке и элегантных туфлях–лодочках на стройных ногах.

— Спасибо, Валентина Аркадьевна. Быстро оформили, — поблагодарил сотрудницу начальник.

— Да не за что, — ответила женщина певучим голосом. — Обращайтесь, если что надо. До свиданья.

Она быстро вышла, мельком взглянув на Ярослава своими большими серыми глазами с бархатными ресницами и сверкнув белозубой улыбкой.

«На Тамару Макарову похожа, — отметил про себя Смеляков. — Сама улыбается, а глаза грустят».

Вечером он поехал в посёлок Красково на аэродром, где ребята из коммуны занимались в аэроклубе. На свои средства они в складчину купили самолёт У–2. Ярослав невольно залюбовался, как лихо один парень выполнял над аэродромом фигуры пилотажа и потом красиво посадил самолёт. Смеляков достал блокнот и пошёл знакомиться с пилотом. Это был высокий юноша спортивного вида, со светлыми волосами и ясными голубыми глазами.

— Федя Сметанин, — представился он.

— Давно в аэроклубе занимаешься?

— Почти два года.

— А работаешь где?

— На электрозаводе в коммуне.

— Лётчиком хочешь быть?

— Да, получу свидетельство аэроклуба и буду в лётное училище поступать. Извини, сейчас наши парашютисты прыгать начнут. Давай посмотрим.

В воздухе кружил самолётик Р–4, из которого один за другим прыгали коммунары, раскрывая в небе разноцветные грибки парашютов.

— Смотри, как точно вон тот паренёк приземлился! — сказал Ярослав Феде.

— Паренёк? Да это ж Анюта Кнутова! — улыбнулся Сметанин, вынул из сумки заранее припасённый букетик ландышей и помчался к девушке.

Та уже успела ловкими движениями свернуть и убрать парашют. Они подошли вместе к Ярославу. Он узнал, что Аня тоже года два занимается в аэроклубе, учится пилотажу, а свой первый прыжок совершила 12 декабря 1936 года. «Симпатичная, волевая девушка, с сильным характером, — решил Смеляков. — Непросто с ней будет Феде. Он–то, кажется, по уши влюблён, а

она к нему только как к товарищу относится. Но может быть, ещё завоюет её сердце. Время покажет», — вздохнул он, вспомнив своё безнадёжное чувство к Машеньке Мамоновой, которая продолжала его игнорировать.

На днях он зашёл по делам в бухгалтерию жилищного отдела, где она работала счетоводом. Маша бойко щёлкала костяшками счётов, что–то записывала в ведомость и на него даже глаз не подняла. Её занимал лишь бурный роман с Андрюхой и спектакли в драмтеатре. Для Ярослава в её сердце не нашлось места даже как для приятеля.

В конце мая шахматный кружок коммуны пригласил дать сеанс одновременной игры молодого гроссмейстера Исаака Мазеля. Смеляков немного опоздал, протиснулся к окну, вдоль которого стояли столы с шахматными досками, и с интересом наблюдал, как мастер делает быстрые и точные ходы в каждой партии, как волнуются и потеют над ответными ходами его соперники. Гроссмейстер выиграл девятнадцать партий из двадцати и свёл вничью лишь одну — с работником совхоза Каменевым.

Вернувшись после сеанса в редакцию, Ярослав набросал по свежим впечатлениям короткую заметку и принялся за рассказ, чтобы разнообразить газету, сделать её интереснее для ребят. Он засиделся за полночь, но задуманное выполнил и даже сам перепечатал текст на пишущей машинке: черновик был настолько исчёркан, что так вышло быстрее, чем перебелять вручную для машинистки. Ему ведь очень хотелось поставить рассказ, названный «Поражение мастера», в текущий номер за 2 июня 1937 года. Смеляков ярко и точно передал атмосферу сеанса одновременной игры за исключением финала: у него мастер одну партию проиграл, поражённый красотой своей неопытной соперницы: «И они прошли мимо нас вдвоём — мастер и женщина — в майскую ночь, под звёзды. И, перемежая улыбки и вздохи с гамбитами и дебютами, мастер подпрыгивал, как мальчик, и сиял».

Через день, когда газета с «Поражением мастера» вышла, к Ярославу во время обеденного перерыва подсел в столовой Ваня Ерастов и похвалил:

Я. СМЕЛЯКОВ

Поражение мастера

РАССКАЗ

Шахматный кружок завода существовал полгода. На завтра назначили встречу с известным столичным мастером. Он согласился приехать и дать сеанс одновременной игры.

Я не шахматист. Но вечерами, устав от воя духового оркестра, кружения пар в танцовальном зале, грохота бильярдных шаров, упорно не падающих в лузы, как будто им платили за это,— заходил к шахматистам и, пользуясь тем, что в их комнате курили и молчали, покусывая папиросу, подолгу смотрел не столько на доски, как на важные лица игроков.

Я опоздал к началу сеанса. Знаменитый мастер с необычайной для этой медлительной игры быстротой двигал белые фигурки и вновь возникал перед начинавшим ряд бухгалтером на столько внезапно, что бедный не успевал опомниться и лишь бессмысленно жевал дряблые губы.

Мастер был прекрасен, сосредоточен, молод. Рыжие курчавые волосы венчали его голову и заставляли забывать о маленьком угловатом росте. Слишком короткие брючки позволяли всем увидеть новые шелковые носки, напоминающие расцветкой два коротких выстрела в пол.

Кружковцы перешептывались, морщили лбы, загорались несбыточными надежками, искали подвоха в простейших ходах мастера, а самые малодушные, сдерживая биение сердца, сдавались не задолго до середины игры. Я видел, как у розовощёкого мальчишки после каждого хода мастера брови неожиданно взлетали к самой вершине лба. Я видел, как наливались кровью затылки побеждаемых. Слоны пересекали шахматные доски, лошади делали затейливые скачки, пешки валились от усталости и — чего скрывать — многие короли позорно прятались в уголках за купеческие плечи туры, за слабые спины двух — трех равнодушных пешек и робко выглядывали через их головы, ожидая неминуемого ужасного

Мастер стремительно передвигал маленькие ноги и стучал деревянными фигурками. Он не сводил глаз с досок: белые и черные фигурки сшибались в его зрачках.

А за окном простиралась дивная майская ночь. Весенний ветер колыхал ветви деревьев. Из темноты выступали белые кусты черемухи. Кругом цвела сирень. Невдалеке, почти неслышно, журчала река. Из-за леса на темное небо со свистом взлетал рассыпающийся фейерверк. Девушки, опьяненные душным томлением и вздохами, покорно опускали глаза, и под старыми деревьями на низких скамейках там и здесь вспыхивали поцелуи. Невозможно забыть этих ночей в середине мая!

Вот уже сдался слесарь Васька, обломавший наконец зубы на белых пешках мастера. Тяжело вздохнув, выбыл из строя бухгалтер. Король табельщика Речкина позорно бежал от близкой гибели, покинутый защитниками и подругами. Староста кружка вписывал в листок фамилию очередной жертвы. Мастер неистовствовал. Кругом валялись окурки и пешки. Оставалась неоконченной всего одна партия.

Мастер, ожидая ответного хода, поднял глаза на партнера и увидал, что над доской, закусив губу, наклонилась девушка. И какая девушка! Черные легкие волосы, ясное нежное лицо, чуть-чуть поднятое плечо — во всем ее облике было столько очарования и здоровья! Он был отделен от нее целым полем, на котором ржали кони, и лязг мечей заглушал голос трубы войны. Я следил за мастером и один во всем мире видел, как стоял он, сутулый, откинувшись назад, расставив руки, и глядел с восхищением в упор круглыми голубыми глазами. А когда и она, оторвавшись от доски, улыбнулась ему в ответ — судьба последней шахматной партии была решена. Мастер побледнел, качнулся, и сдавленным голосом прошептав «сдаюсь», — быстрой рукой смешал фигуры.

Все ахнули! Девчонка, которую обыгрывал каждый, которая месяц назад утверждала, что конь может ходить сразу через пять клеток, дала мат мастеру Союза!

И они прошли мимо нас вдвоем — мастер и женщина — в майскую ночь, под звезды. И перемежая улыбки и вздохи с гамбитами и дебютами, мастер подпрыгивал, как мальчик, и спел.

◆ ◆ ◆

Фотоэтюд А. ПОЗДЕЕВА.

— Молодец! Интересный получился рассказ и очень поэтичный!

— Я рад, Вань, что тебе понравилось.

— Ты вообще больше печатай стихов и рассказов, Старик.

Для Ивана, как и для многих в коммуне, не являлся секретом псевдоним Смелякова, которым тот подписывал часть своих корреспонденций, чтобы его имя не пестрело на каждой странице газеты.

— Обязательно буду печатать — и мои, и других наших поэтов.

— Вот и замечательно!

В номере за 11 июня Ярослав поместил стихотворение «Майские звёзды». На следующий день его пригласил к себе в кабинет замполит Щербаков.

— Здравствуй. Проходи и садись, — сказал он, указывая жестом на стул. — Ты молодец, хорошо с газетой управляешься. Медова тобой довольна. Она на днях передаёт дела Пащенко. Уверен, что и с новым редактором ты сработаешься. Газета стала намного интереснее по сравнению с «Коммунаром», все говорят. Твои «Майские звёзды» хороши. Но теперь очень нужно, чтобы ты написал ещё одно стихотворение. Читал сегодня в центральной прессе о приговоре банде Тухачевского?

— Да, конечно.

Ярослав был в курсе последних публикаций, где всячески поносились «враги народа»: бывший маршал Советского Союза Тухачевский, командармы Якир, Уборевич, Корк и другие, арестованные в конце мая и в ходе следствия признавшие себя виновными в организации военного заговора с целью свержения советской власти и установления военной диктатуры, в шпионаже и измене Родине. 11 июня восьмерых «заговорщиков» осудили на смертную казнь и сразу расстреляли. В газетах описывалось всё так правдоподобно: и признательные показания, и сами «чёрные» дела Тухачевского с «подельниками». Но Ярослав не знал, насколько этому можно верить. Не укладывалось в голове, что прославленный со времён Гражданской войны командарм мог совершить такое. О жестоких методах ведения следствия в НКВД поэт знал не понаслышке. В лагере со Смеляковым сидело много «врагов народа», однако никто из них никакой антисоветской деятельностью не занимался.

— Так вот, — продолжил Михаил Петрович, — весь народ возмущён их злодеяниями. Мы скоро проведём собрание в поддержку решения Верховного суда. Напиши–ка к собранию стихотворение. Советую назвать его «Воля народа».

— Я попробую, но не уверен, что быстро получится, — замялся Смеляков, которому очень не хотелось сочинять такое стихотворение.

— Ты, братец, постарайся. Видишь ли, в Болшевской коммуне идут аресты. Там тоже, как выяснилось, есть враги народа. И там собрание пройдёт раньше, чем у нас. Да и тебе самому это важно. Не забыл ведь, за что тебя осудили?

— Вечером засяду, — понял намёк Ярослав.

Он остался, по обыкновению, на ночь в редакции, но откладывал до последнего «заказ» замполита. Сверстал полностью текущий номер, отредактировал несколько заметок в следующий и только потом попытался начать стихи. Но у него так ничего и не вышло. Строки получались казённые, вымученные. Промаявшись до трёх часов ночи, Ярослав уснул тяжёлым сном на кожаном диване ответственного редактора в 13–й комнате.

К собранию стихи написаны не были. Щербаков, узнав, что Ярославу не с чем выступать, укоризненно покачал головой и сказал:

— Ну ладно, напиши после и обязательно опубликуй в газете.

Собрание прошло шумно, руководство коммуны и все ребята, конечно, гневно осуждали «заговорщиков». Эти слова Смеляков «взял на карандаш» и написал–таки злополучное стихотворение, которое поместил в 21–м номере «Дзержинца». Заканчивалось оно так:

И во веки веков, до скончания мира,
не померкнет сияние наших знамён.

Будь же проклята ложь тухачевских, якиров,
восьмерых уничтоженных нами имён.

Ярослав понимал, что написал, наверное, худшие свои стихи, но он не мог не выполнить приказ замполита, которому подчинялся.

Прошло несколько дней. 23 июня в газете «Ухтомский рабочий» напечатали статью с запоздалым выпадом против рассказа «Поражение мастера»: «Газета «Дзержинец» сделала попытку дать «Литературную страницу». Но, по–видимому, редакция не сумела привлечь к газете читателей и ограничилась написанием «рассказа» сотрудника редакции Я. Смелякова. Причём рассказ явно неудачен и по форме, и, тем более, по содержанию».

Ярослав расстроился, хотя это был булавочный укол по сравнению со статьёй Максима Горького «Литературные забавы», опубликованной 14 июня 1934 года сразу в четырёх центральных газетах: «Правде», «Известиях», «Литературной газете» и «Литературном Ленинграде». Там цитировалось письмо некоего «партийца», а вернее — доносчика: «Несомненны чуждые влияния на самую талантливую часть молодёжи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова всё более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно–литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой, и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо–индивидуалистической самовлюблённости, и поведение Смелякова всё менее и менее становится комсомольским. Прочтите новую книгу Смелякова. Это скажет вам больше (не забывайте, что я формулирую сейчас не только узнанное, но и почувствованное)».

Слова о якобы беспробудном пьянстве Ярослава и «почувствованном» клеветником «анархо–богемском духе» его творчества и стали первопричиной ареста поэта. Следователь Павловский так и сказал ему на допросе: «Что же ты надеялся, мы оставим тебя на свободе? Позабудем, какие слова о тебе и твоём друге Павле Васильеве сказаны в статье Горького? Не выйдет!» Не мог забыть Ярослав и того унизительного заседания в Союзе писателей, когда собратья по перу в один голос осуждали Павла, открыто называя его врагом. Смеляков отчаянно пытался защитить друга, но все на

него так набросились, припоминая ему грехи, что вынудили замолчать и на словах согласиться с общим мнением.

Не получалось у Ярослава вычеркнуть из памяти и вульгарную девку, которая вскоре после того заседания настойчиво приставала к нему в ресторане, пока он несколько раз крепко не обматерил её, сообразив, что она специально подослана с целью его скомпрометировать. На следующий день проститутка подала в милицию заявление, будто Смеляков совершил над ней насилие. Свидетели дали показания в пользу Ярослава, но по кабинетам его потаскали изрядно. Пущенная продажной девкой клевета тогда вконец испортила репутацию молодого поэта в Союзе писателей.

Погрузившись в тревожные воспоминания, навеянные выпадом районной газеты, Ярослав не заметил, как в 12–ю комнату вошла Аня Илюнина с пачкой заметок в текущий номер «Дзержинца».

— Ярочка, ты что такой угрюмый? — озабоченно спросила она, но увидев в руках Смелякова газету «Ухтомский рабочий», всё поняла. — Из–за глупой статьи? Не бери в голову. Нам твой рассказ понравился. И стихи тоже.

— Ты права, пожалуй. Но я больше не из–за этого расстроился. Вспомнил про арест и допросы. Они ведь после статьи были, которую Горький написал. И девку подосланную вспомнил, — признался Ярослав.

Ане одной он доверял и позволял себе с нею откровенничать, не сомневаясь, что она никому ничего не расскажет, даже своей сестре.

— Та статья с клеветой была в центральной прессе и совсем о другом. А здесь так, местный бумагомарака от зависти накропал. Забудь и пиши новые стихи и рассказы. Вот тебе материалы в следующий номер «Дзержинца» и для стенгазет, — Аня положила на стол листки с заметками и стихами.

— Спасибо, сейчас займусь ими, — ободрённый Смеляков пододвинул к себе пачку.

— Яр, можно я пойду? Мне на занятие надо.

— Иди, Анют. А что у тебя за занятие? Интересное?

— Я занимаюсь математикой с Валей Климович из бухгалтерии. Ей скоро на курсах экзамен сдавать, но есть проблемы с этим предметом. Она у нас с 32–го года работала секретарём управляющего, а месяцев пять назад, после смерти мужа Сергея Макарова, её в бухгалтерию перевели. Она недолго была замужем, и мне привычней её называть по девичьей фамилии.

— А какая она из себя? — заинтересовался Ярослав.

— Красивая! Из донских казачек. На свою однофамилицу Тамару Макарову очень похожа. Видел «Семеро смелых»?

— Конечно. Тамара и в фильме «Люблю ли тебя» чудно играла. В 34–м смотрел его, до ареста. А Валентину я на заводе, кажется, встречал, — вспомнил Смеляков симпатичную женщину с грустными серыми очами и ослепительной улыбкой в кабинете начальника цеха. — Её отчество Аркадьевна?

— Да.

— А что с её мужем случилось?

— Говорят, чем–то серьёзно заболел и умер. Но я точно не знаю, Валя сама не рассказывает. Сергей хороший человек был, умный, талантливый, юрист по профессии. Он приезжал из Москвы консультировать руководство нашей коммуны. Так с Валей и познакомился. В 36–м они поженились, комнату просторную им дали в бывшей монастырской гостинице «Париж». Но когда она овдовела, её отправили работать в бухгалтерию и переселили в маленькую комнатку в Клубном переулке.

— Ань, познакомь меня с ней.

— Ладно, только сначала спрошу у неё. Вдруг ещё не захочет ни с кем знакомиться после смерти мужа. До свиданья.

— Пока.

Валентина охотно согласилась познакомиться с Ярославом. Она читала его статьи, стихи и очерки в газете и, может быть, тоже помнила ту первую мимолётную встречу с ним на заводе «Спартак». Через несколько дней, когда она сдала экзамен, Илюнина познакомила их у проходной после работы. Сначала они гуляли вчетвером: Аня, её муж Лёва, Ярослав и Валя, но вскоре Илюнины заспешили домой, оставив Смелякова с новой знако-

мой. Побродив немного вокруг пруда, они пошли в кино на фильм «Цирк», который снова привезли в клуб. Возникла тема для общих разговоров. После сеанса Ярослав пошёл проводить Валентину, хоть её дом и находился почти рядом с клубом. Она вела себя сдержанно, но не скованно.

Они стали встречаться сначала изредка, а потом всё чаще. Смеляков чувствовал себя легко с этой удивительной женщиной. Она была на пять лет его старше. Между ними ощущалось родство душ, переживших немалые страдания. Валентина любила и умела слушать Ярослава: его рассказы, стихи, мнения о прошлых и настоящих событиях, — заразительно смеялась его шуткам, но сама не отличалась многословием, о себе рассказывала мало. Смеляков деликатно не расспрашивал её о покойном муже, понимая, насколько такой разговор тяжёл для неё. Им было хорошо вдвоём. Они могли долго гулять по окрестностям Николо–Угреши, по берегу Москвы–реки, разглядывать на Голюбовской горке, что у деревни Гремячево, замшелые староверческие надгробия, стоя под раскидистыми старыми соснами, молча любоваться панорамой окрестностей: изгибами реки, заречным старинным селом Остров с шатровой белокаменной церковью и другим селом Беседы, где церковь оставалась действующей.

Ярослава тянуло к Валентине, но он не сразу понял, что по–настоящему полюбил её: отголоски чувства к Машеньке всё ещё жили в его душе. В середине лета он снова был на спектакле «Слава», где блистала юная актриса, и 27 июля опубликовал в «Дзержинце» огромную хвалебную рецензию. А Валя вела себя по–прежнему строго, иногда в её глазах он улавливал какую–то отчуждённость и тоску. Наверное, её не отпускали воспоминания о Сергее Макарове. Оттого и сблизилась она с Ярославом не быстро.

А жизнь вокруг бурлила: коммуна готовилась к своему десятилетию. К юбилею планировали перевести музыкальную фабрику в новое четырёхэтажное здание. Многих ребят–коммунаров стали выпускать из коммуны, вручая им паспорта. Приятное, казалось бы, событие для большинства из них становилось испытанием,

ведь они одновременно лишались коммунарской «мамы» и отныне сами должны были платить за питание, общежитие и одежду. А некоторые коммунары, зная, что всегда будут накормлены и одеты, тратили свои немалые заработки — 400–500 рублей в месяц — в Москве на сладости и дорогое курево за несколько дней. В июле Смелянский привёз в коммуну целых два чемодана новых паспортов, которые и вручил на ближайшем субботнем общем собрании. Смеляков бы с радостью получил взамен бесплатных карточек паспорт и полную свободу, но до конца срока, истекавшего в апреле 1938 года, ему это не светило. Впрочем, «мама» помогала ему экономить деньги на помощь родной матери Ольге Васильевне и сестре Зине.

В преддверии праздника коммунары, привыкшие доверять друг другу, мало обращали внимания на критические статьи в местной прессе, а Ярослав внимательно следил за ней. Репрессировали секретаря райкома Павлова, и его дело бросило тень на бывшего с ним в дружеских отношениях Смелянского. 17 июля в «Ухтомском рабочем» Смеляков прочёл: «…в районе Павлов был не одинок. При его содействии в коммуне укрывался приёмный сын расстрелянного обер–бандита Каменева Глебов–Каменев... Брат Павлова жил и работал в коммуне, окружённый заботой, вниманием и покровительством Смелянского». Глебов, толковый инженер, работал на фибролитовом заводе и ни в чём предосудительном замечен не был, как и брат репрессированного секретаря райкома.

Через неделю Ярославу передали для публикации в 31–м номере газеты статью «Вооружимся бдительностью», направленную против якобы действовавших «врагов народа», которых недвусмысленно предлагалось «вытащить на солнышко» для «выкорчёвывания охвостьев фашистского подполья не только в районе, но и в коммуне», где «не особенно любят даже общие разговоры о бдительности к врагу». Это встревожило Смелякова. От газетчиков требовали, чтобы ни один материал о производстве или работе руководства не обходился без критики. Ярослав понимал, что рано или поздно в коммуне начнутся аресты. А пока руководство Хозяй-

ственного отдела НКВД, которому подчинялась коммуна, только ограничило коммунарскую вольницу, упразднив бюро актива.

Празднование юбилея прошло 30 августа, в понедельник, очень весело. Утром открыли новое здание музыкальной фабрики. Работу на предприятиях закончили на час раньше — в четыре дня. Собрание было недолгим и очень торжественным. В зал попали не все, перед клубом толпились коммунары и жители посёлка, слушая выступления, которые транслировались на улицу. Смелянский и Перепёлкин говорили как всегда ярко и зажигательно об успехах коммуны, вручили почётные грамоты и объявили начало концерта самодеятельных ансамблей, театра и гимнастов. После концерта гулянье выплеснулось на улицу. Песни, танцы под духовой оркестр, катание на лодках, смех, поцелуи, яркие воздушные шары, улетающие в небо…

Ярослав с Валентиной закружились было в этом праздничном калейдоскопе, но скоро им захотелось уединиться. После двух первых танцев — фокстрота и танго — Валя предложила:

— Ярочка, давай к Москве–реке прогуляемся, на лодке покатаемся.

— Пойдём.

Они под руку прошли через весь парк, потом вдоль стены монастыря к берегу реки. У лодочной станции оказалось тоже многолюдно, и кататься Валя передумала. Они побрели подальше от шума по дорожке вдоль берега, остановились под толстой старой ракитой и стали смотреть, как оранжевый диск солнца садится за излучиной реки. Начало смеркаться, и на продолговатых ивовых листах засветились светлячки.

— Как красиво! Будто синенькие звёздочки, — восхитилась Валя.

— Смотри, Валенька, — Ярослав взял одного светлячка, который продолжал светиться у него в ладонях.

Она наклонилась, чтобы лучше разглядеть светящееся брюшко маленького жучка. Но огонёк вдруг стал тускнеть и скоро совсем угас. Смеляков бережно посадил насекомое обратно на

ветку. Валя подняла свои сияющие глаза, их взгляды встретились, и Ярослав вдруг решился крепко обнять её и поцеловать.

Последнюю ночь августа они впервые провели у неё в комнатке. Она любила горячо и как–то даже торопливо, а он был просто без памяти от нахлынувшего вдруг счастья. Потом Ярослав часто оставался у Вали и всякий раз находил в ней новые привлекательные черты. Но всё–таки сохранялась между ними какая–то психологическая грань, которую они не могли перейти.

Валя ничего не требовала от Ярослава, не намекала на загс, но до конца перед ним не открывалась. То она казалась беспечно весёлой, искромётной, порывистой, а то мелькала в её глазах глубоко затаённая печаль. Может быть, Валентина корила себя за то, что так скоро изменила покойному мужу. А Смеляков любил безоглядно, не думал о том, что может с ним случиться в ближайшем будущем, больше волнуясь о любимой. За дарованную судьбой красоту чувств, за это хрупкое счастье он даже готов был простить своих врагов, упёкших его за решётку. Мерцающие вечерами светлячки словно освящали их любовь особенным романтическим светом. И Ярослав сочинил о них стихи:

У меня на руке дымится
то ли капля холодной воды,
то ли синенькая крупица,
улетевшая от звезды.

И стою я, врагов прощая,
оттого лишь, что тот огонь
так таинственно освещает
человеческую ладонь.

Но недолго он пламенеет,
этот узенький самоцвет:
всё печальнее, всё бледнее,
всё тревожнее слабый свет.

Он теперь уже светит глухо,
он совсем уже не горит.
То ли куколка, то ли муха
на ладони моей лежит…

Нет, не в шутку и не напрасно
я, целуя твои глаза,
всё тревожусь — как бы не сгасла,
не померкла твоя краса.

Причины для волнения за Валентину были. И самые серьёзные. Ещё в мае расстреляли инженера Глебова. Сгустились тучи над Смелянским, с которым Макарова несколько лет работала. В сентябре он вернулся с районного собрания без партбилета: исключили «за потерю бдительности». С должности управляющего Ефима Павловича тут же сняли и вместо него назначили чекиста Осипова, ничем особенным не выделявшегося. Смелянский переехал с семьёй в свою московскую квартиру, был на приёме у Ежова, хлопотал о восстановлении в партии, за него просили друзья, но всё оказалось тщетно.

Начались аресты среди работников фибролитового завода. За решёткой с обвинениями по расстрельным статьям оказались директор Малахов, начальник отдела Сафронов, механик Разумов–Сергеев. Добрались и до завода «Спартак», где трудилась Валя. Чёрный воронок увёз помощника директора Маслова, калькуляторщика Емельянова, снабженца Эгле... Поводом для репрессий могла послужить любая производственная неурядица, объявленная вредительской: поломка станков, очереди на проходной, якобы недостаточная рентабельность фибролита.

Однако жизнь в коммуне продолжалась: и культурная, и спортивная, и трудовая. В преддверии двадцатилетия Октябрьской революции на предприятиях развернулось социалистическое соревнование. Сентябрьским днём в редакцию в обеденный перерыв зашёл Лёнька Пушковский. Он недавно стал по–новому

затачивать резец и теперь давал в день больше трёх норм, тогда как другие и одну–то едва вырабатывали. Лёнька принёс заметку с вызовом на соревнование всех комсомольцев коммуны. Ярослав тут же взял материал в текущий номер и решил написать о Пушковском статью, вспомнив о своём обещании полугодичной давности. Придя на музыкальную фабрику, он убедился, насколько чётко, быстро и качественно работает на станке юноша. Ни одного лишнего движения, всё продумано до мелочей, никаких перекуров и отвлечений на разговоры. Статью «Стахановец Леонид Пушковский» Ярослав подписал своим обы–чным псевдонимом Старик и поместил в следующем номере в большой полосе «Учитесь у лучших». Лёнька проснулся местной знаменитостью.

Несмотря на громкие успехи коммуны, репрессии усиливались. Незадолго до Нового года — 9 декабря — в числе других работников коммун арестовали Ефима Павловича Смелянского. Страшным обвинениям против него никто из коммунаров не верил, надеялись, всё вот–вот выяснится, их воспитателя отпустят и восстановят в партии. Но вместо этого Смелянского и почти всех ранее попавших в застенки НКВД по приговору «троек» расстреляли. В феврале приехал чёрный воронок и за Александрой Демьяновной Смелянской, которую осудили как жену врага народа на 10 лет без права переписки. Её детей Ингу и Юру забрали в детдом, и только малышка Леночка осталась в коммуне с бабушкой Марфой Логиновной Кудрявцевой.

Пытаясь защитить друзей, Перепёлкин сам лишился работы. Расстреляли по обвинению в шпионаже его старшего брата Степана Степановича. Перепёлкин собрал чемодан и со дня на день ждал ареста в своей московской квартире. Павел Степанович никому не жаловался на своё положение, ни у кого ничего не просил, поступая так, как сам учил воспитанников, которых наставлял: «Запомни! Никогда не жалуйся и не проси. Жизнь со временем сама всё расставит по местам». Пощады он не ждал: накануне забрали жену брата и племянника–подростка Женю, ведь по новому закону, принятому в 1935 году, полная уголовная ответственность

СТАХАНОВЕЦ ЛЕОНИД ПУШКОВСКИЙ

В 1931 г. с поезда, идущего на Украину, сошел мальчишка 12 лет, начавший самостоятельную жизнь. Вагон, в котором ехали его родители, паровоз потянул дальше. В этот день Леня Пушковский стал беспризорником.

Четыре года он скитался по городам, ночевал, где попало, мерз, мучился, вел однообразную горькую жизнь заправского беспризорника.

В 1935 г. в Ростове молодого правонарушителя арестовали, отправили в детприемник, а оттуда забрали в трудкоммуну. Пушковский стал коммунаром.

Его отправили на Музыкальную фабрику подносить материал в машинный цех. Парнишка оказался любознательным и способным. Он приглядывался к работе станочников. Когда станочники уходили в курительную комнату, он по нескольку минут работал на станке. И через два месяца, в феврале 1936 г., начал работать самостоятельно, выучившись без чьей-либо помощи, неожиданно для многих.

Работал и учился. Окончил семилетку и получил премию за хорошую учебу. В день 19-й годовщины Великой Социалистической революции подал заявление о приеме в ряды Ленинского комсомола и вскоре получил комсомольский билет. В это время Пушковский давал 140—145 проц. выработки в среднем. По окончании годовой программы фабрики получил премию за высокопроизводительную качественную работу.

С начала этого года комсомолец Пушковский вошел в ряды стахановцев. Стал выполнять норму на 170—180, а потом на 200—220 проц. в среднем за месяц.

Сентябрь объявили стахановским месяцем. Стахановец Пушковский в первый день сентября сделал пять норм. В среднем за I декаду 320 проц. Показатели прекрасные! Однако, во II декаде показатели снизились до 234 проц. В III декаде будет процентов 200—220. В чем же дело? Почему производительность одного из лучших стахановцев фабрики снижается день ото дня? Виноват в этом, во-первых, Деревообделочный завод, снабжающий цех несвоевременно материалом низкого качества, и во-вторых, отдел механика, задерживающий ремонт оборудования. По их вине стахановец Пушковский стоял в сентябре без работы по целым суткам. Его отличные показатели (около 250 проц. в сентябре) могли быть чуть ли не вдвое выше!

В чем же секрет работы Пушковского? Рабочий день у него уплотнен до предела. Он не ходит курить, не занимается разговорами. Каждый день приходит на работу за десять минут до звонка и подготавливает рабочее место. Начинает вместе со звонком. Он провел почти незаметную рационализацию, которая дает большой производственный эффект: заменил старое сверло сверлом для железа, специально наточив его. Работа пошла легче и быстрее.

Необходимо отметить еще одно достоинство Пушковского. Он никогда не остается работать в обеденный перерыв или по окончании смены. Кончает и начинает вместе со звонком. А этого, к сожалению, нельзя сказать о многих наших стахановцах.

В дни предоктябрьского соревнования Пушковский взял обязательство давать не менее 250 проц. нормы ежедневно при хорошем качестве и вызвал на соревнование всех комсомольцев коммуны. Этот вызов напечатан в прошлом номере газеты. Думаем, что комитет комсомола, все комсомольцы коммуны достойно ответят на него. Думаем, что Пушковский с товарищами значительно перевыполнят свои обязательства, если им создадут должные условия работы.

Самым любимым оправданием плохой работы большинства наших руководителей служит надоевшая, затасканная песенка об отсутствии кадров. Некого, видите ли, выдвигать, не на кого положиться! Смысл этих песенок заключается в том, что руководители не знают своих рабочих. На наших заводах, в наших организациях, в наших совхозах работают тысячи прекрасных советских людей, грамотных, аккуратных, деловых, преданных до последней капли крови партии Ленина — Сталина. Учитесь видеть их.

СТАРИК.

наступала уже с 12 лет. Юному теннисисту Жене на днях исполнилось 15 лет. Морозной февральской ночью чуткий сон Павла Степановича прервал телефонный звонок:

— Здравствуйте. Узнаете?

— Да, — глухо сказал Перепёлкин, узнав по голосу своего воспитанника Колю, который после выпуска из коммуны учился в школе НКВД и работал в Бутырке. Звонил смелый парень явно из автомата.

— Приходите завтра к известному вам подъезду точно в девять утра. На моих сейчас двадцать три сорок пять.

— Приду.

— Будьте осторожны. До свидания.

В трубке послышались короткие гудки. Так и не уснув до утра, Павел Степанович вышел из дома пораньше, минут пятнадцать петлял по улицам и, убедившись, что за ним нет слежки, поехал к тюрьме. Снова побродив по переулкам, выходящим на Новослободскую улицу, он минута в минуту подошёл к нужному подъезду. Дверь открылась, и к нему на руки буквально упал его до смерти перепуганный племянник. Перепёлкин как ни в чем не бывало поправил Жене шарф и шапку, взял его за руку и спокойно повёл к трамвайной остановке. К счастью, тут же подошёл трамвай, и они поехали на Казанский вокзал. Везти мальчика на московскую квартиру было небезопасно, и Перепёлкины отправились на поезде в коммуну. Здесь они перевели дух. В кармане племянника обнаружились недооформленные документы на арест. Они тут же полетели в печь. В другом кармане оказалась метрика. Спасая Женю, Коля очень рисковал, но теперь Павел Степанович перестал беспокоиться за воспитанника: вряд ли ребёнка хватятся в следственном изоляторе, ведь никаких документов о его аресте не осталось. Счастье, что племянника привезли в Бутырку в Колино дежурство.

В коммуне от работавших в органах бывших воспитанников уже знали о грозящей Перепёлкину опасности. Он многих ребят в своё время спас от тюрьмы и беспризорной жизни, а теперь пришло время спасать его самого. И коммуна забурлила. В обеден-

ный перерыв в столовой Смеляков, который сам не был хорошо знаком с Перепёлкиным, только и слышал:

— Давайте поручимся за Павла Степаныча! Никакой он не враг, а преданный партиец!

— Брата расстреляли, а он–то тут причём? Брат не с ним работал, а в управлении шоссейных дорог.

— Перепёлкин нас выручал, давайте за него ходатайствовать.

— Товарищи, помните, как его квартиру ограбили и на нас в органах подумали? А Павел Степаныч сказал, мол, нет, не мои коммунары украли, лучше ищите. И вправду ведь скоро домушников, обчистивших его хату, нашли.

— И за нас он в 35–м поручился, когда мы свистнули ожерелье супруги Ромена Роллана на даче у Горького. Он нам сделал «страшные глаза», и мы в сад это ожерелье подбросили. И обошлось. Перепёлкин в тюрьму нас не упёк, поверил.

— Все под ходатайством подпишемся!

— Ребята, не шумите. Так делу не поможешь, — сказал Гриша Миронов, который работал в НКВД и приехал в коммуну в увольнение. — Соберём актив после смены в красном уголке общежития и составим ходатайство. Все желающие, кто в коммуну пришёл до 35–го года, когда Павел Степаныч управляющим был, подпишут. Добровольно. Никого заставлять не будем.

На том порешили и разошлись по цехам. Ярослав отправился в редакцию и до десяти вечера верстал текущий номер. Сделав самое необходимое, он поспешил не к Валентине, а в общежитие: вдруг понадобится его помощь. Честно говоря, он не верил, что удастся выручить Перепёлкина, но в стороне от хорошего дела оставаться не хотел, несмотря на то что его подпись под ходатайством не требовалась. Да и фамилия обязывает: пусть ребята не подумают, что Смеляков струсил.

Когда он появился в красном уголке, коммунары уже составили и от руки переписали бумагу. Ваня Ерастов, первым заметив приятеля, обрадовался:

— Яра, молодец, что зашёл. Посмотри наше ходатайство. Может, что посоветуешь?

— Сейчас посмотрю, только вы не гомоните, дайте сосредоточиться, — Ярослав сел за стол к настольной лампе и быстро пробежал глазами сочинённую бумагу. — Товарищи, вы в целом правильно написали, но только длинновато и как–то сумбурно. Надо чётче и короче. Начальство длинных бумаг не любит.

— Ты прав, — откликнулся Гриша Миронов, — и я о том же говорил. Поможешь отредактировать?

— Конечно. Только вы мне не мешайте, лучше подписи идите собирать.

— Да мы уже вон сколько собрали, — Лёнька Пушковский указал на скоросшиватель с листами. — И ещё несут. Ребята, давайте выйдем на полчаса, не будем Яре мешать.

В красном уголке остался только баловень общежития Рыжик, развалившийся прямо на столе. Смеляков почесал кота за ушком и под мурлыканье стал вчитываться в ходатайство. Лишние подробности он вычеркнул, некоторые пункты переставил местами и отредактировал так, чтобы текст уместился на одном машинописном листе. Закончив работу, он позвал ребят и прочёл вслух, что получилось.

— Очень хорошо, — похвалил его Миронов. — Всё убедительно и по делу. Надо переписать, а лучше перепечатать на машинке. Но где это сделать? В общаге машинки нет.

— Можно в редакции, — предложил Смеляков. — А к которому часу надо?

— Не поздней полвосьмого завтра выезжаю, к девяти должен быть на Лубянке, — ответил Гриша.

— Ребята, сейчас уже поздно идти, а утром охранник раньше полседьмого клуб не откроет. Мне самому так быстро не напечатать, я ж не машинистка, — огорчился Ярослав.

— А я наверняка успею, — вызвалась Лора Копорова. Она ещё до поступления в коммуну была квалифицированной машинисткой. Однажды её застукали за левой работой и осудили на три года, но отправили, к счастью, не в тюрьму, а в коммуну.

Утром Лора не заставила себя ждать, и в шесть тридцать они с Ярославом уже сидели в редакции. Под его диктовку девушка строчила ходатайство, как автомат, и без единой помарки. Они даже успели в столовую на завтрак. Туда же коммунары, которые жили не в общежитии, а в отдельных комнатах, принесли листы со своими подписями. Гриша собрал бумаги, пронумеровал их и увёз в столицу. В девять утра папка уже лежала на столе у начальника Хозяйственного отдела НКВД, которому подчинялась коммуна.

«Случится чудо, если это поможет», — думал Смеляков, не веривший в успех затеянного дела. Однако ходатайству коммунаров дали ход, и чудо всё–таки произошло. Павел Степанович уехал в Москву и продолжал ждать по ночам ареста. Но воронок за ним прислали утром и повезли без наручников и чемодана не на Лубянку, а в коммуну. В кабинете нового управляющего Иосифа Петровича Осипова комиссия НКВД, состоявшая из бывших сослуживцев Перепёлкина, объявила решение по его делу. Наказание было на удивление мягким: исключить из партии сроком на один год за потерю бдительности и уволить из НКВД. Павел Степанович устроился на завод «Красный пролетарий» шофёром–механиком. Его брат Вася, племянник и мать остались жить в коммуне. От них коммунары и узнавали новости о Перепёлкине, который, по своему неписаному правилу, никому не жаловался и ни о чём не просил, но благодаря деловым качествам и золотому характеру выдвинулся и на новой работе. Смеляков ничуть не удивился тому, что Павел Степанович вскоре стал начальником гаража, а спустя ещё некоторое время — заместителем начальника отдела строительного треста №18 Народного комиссариата авиационной промышленности. Племяннику Жене он, конечно, помогал, чем только мог. Тот упорно тренировался и в 1939 году выиграл чемпионат Москвы среди юношей в парном разряде, к радости всех родных и друзей.

Немного успокоился Ярослав и в отношении своей Валентины, ведь секретаршу Смелянского Артамонову органы не тронули, из бухгалтерии «Спартака» никого не арестовали. И хотя

отдельные аресты шли в коммуне весь 38–й год, Вале серьёзная опасность, похоже, не угрожала. По счастью, репрессии не затронули никого из их близкого окружения в коммуне.

В апреле срок у Ярослава закончился, и ему выдали паспорт. Пришлось расстаться с карточками коммунарской «мамы», но он нисколько не сожалел. Теперь, когда ему возвращены гражданские права, можно без всяких увольнительных ездить в Москву к матери и по делам, можно запросто в воскресенье поехать с Валентиной в любой московский парк, на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку, встречаться с друзьями–поэтами. Можно снова печататься в столичных изданиях и восстановиться в Союзе писателей. Казин попытался прощупать почву на этот счёт, но ему намекнули: мол, рановато, пусть ещё годок в многотиражке поработает. Смеляков и сам пока не рвался на работу в Москву, ведь тогда бы он стал редко видеться с Валентиной.

В клубе жизнь по–прежнему била ключом. Театральный сезон был в разгаре. Готовилась постановка трагедии Беляева «Псиша». На главную роль бывшей крепостной актрисы Лизы Огоньковой (Псиши) Виноградов назначил, конечно, Марию Мамонову. Роль её возлюбленного Ивана Плетня, танцора крепостного театра, досталась Лёве Илюнину, а Петя Мысин играл владельца театра помещика–крепостника Калугина. Шли репетиции, но Смеляков не спешил на них, как в прошлом году, когда увлекался Машенькой. Иногда он видел её в фойе клуба. Раньше она была всегда весела, как птичка, а теперь всё чаще грустила и ни с кем не делилась причиной такого настроения. Местные сплетницы гадали, чем же оно объясняется: глубоким погружением в трагическую роль или ссорой с Андреем, который давно считался её женихом. Парень получил паспорт и куда–то уехал из коммуны.

Впрочем, Ярослав особо не интересовался личной жизнью Маши. На апрельскую премьеру он пошёл с Валентиной. Спектакль превзошёл его ожидания. Все актёры играли очень хорошо. Машенька настолько глубоко перевоплотилась в свою героиню, что Смелякову казалось, будто он находится не в зрительном

зале клуба, а в помещичьей усадьбе в XVIII веке и является свидетелем происходящих наяву событий. Вот приезжает в село Лиза Огонькова в надежде, что Калугин благословит её брак с Иваном. Она встречается с возлюбленным и вся светится от счастья. Вот к ней пристаёт со своими признаниями и предложением выйти замуж жестокий крепостник Турка, которого она ненавидит. И огромные глаза актрисы выражают живое страдание! Лиза с Иваном бегут, но они выданы Калугину и пойманы. Озверевший помещик приказывает забить плетьми Ивана на глазах у Псиши. Он погибает, а девушка сходит с ума. Сумасшествие своей героини Мария представляет так натурально, что Смелякову на миг становится страшно за рассудок самой актрисы…

Занавес опустился. В зале несколько мгновений царит тишина, а потом раздаётся гром оваций! «Мамонова! Мамонова! Илюнин!» — кричат со всеми Ярослав с Валентиной. Артисты выходят на поклоны, и последней выбегает Машенька. Она улыбается, а в её выразительных глазах блестят алмазные бусины слезинок. На сцену летят букетики подснежников…

После спектакля Смеляков пошёл с Валентиной в её комнатку в Клубном. Валя на скорую руку приготовила яичницу с колбасой, намазала хлеб маслом, вскипятила на примусе чайник. За ужином Ярослав только и говорил о прекрасной игре Мамоновой, расхваливал её выразительные глаза, жесты, костюмы. И вдруг он заметил, что Валентина чем–то огорчена, смотрит на него как–то холодно, отчуждённо, а улыбается неестественно, через силу. «Ревнует», — догадался он и сразу перевёл разговор на другую тему:

— Что это я всё о её глазах? Твои глаза прекраснее, Валенька. Хочешь, я тебе прочту новые стихи? Они, правда, пока не окончены.

— Прочти, Ярочка. Я вся внимание, — оживилась она.

Смеляков открыл блокнот с черновиком стихотворения «Лирическое отступление». Он не хотел прежде времени показывать его любимой женщине, собираясь сначала опубликовать в журнале и преподнести номер ей. Так вышло бы эффектнее. Но теперь, чтобы успокоить её, стал декламировать проникновенным баритоном:

Валентиной
Климовичи дочку назвали.
Это имя мне дорого —
символ любви.
Валентина Аркадьевна.
Валенька.
Валя.
Как поют,
как сияют
твои соловьи!

Читая, Смеляков видел, как теплеют Валины глаза, светлеет улыбка.

— Дальше у меня несколько строф совсем в черновике, — он показал Вале исчёрканные странички блокнота, — а вот эти вроде уже готовы:

Если б звонкую силу,
что даже поныне
мне любовь
вдохновенно и щедро даёт,
я занёс бы
в бесплодную сушу пустыни
или вынес
на мертвенный царственный лёд,
расцвели бы деревья,
светясь на просторе,
и во имя моей,
Валентина,
любви
рокотало бы
тёплое синее море,
пели в рощах вечерних
одни соловьи.

Как ты можешь казаться
чужой,
равнодушной?
Неужели
забавою было твоей
всё, что жгло моё сердце,
коверкало душу,
всё, что стало
счастливою мукой моей?

Как–никак —
а тебя развенчать не посмею.
Что ни что —
а тебя позабыть не смогу.
Я себя не жалел,
а тебя пожалею.
Я себя не сберёг,
а тебя сберегу.

— Ярочка, спасибо. Так красиво и нежно! Прямо сердце замирает, — растрогалась Валя.

Она с разрешения Ярослава полистала его блокнот и наткнулась на черновик другого стихотворения:

— «Давным–давно, ещё до появленья…» — стала она читать, но дальше из–за исправлений разобрать не смогла.

— Эти стихи тоже о тебе, но они совсем сырые, я даже ничего не перебелял, — смутился Смеляков.

— Ну прочти хоть несколько строк. Ну пожалуйста.

— Ладно, слушай:

Давным–давно, ещё до появленья,
я знал тебя, любил тебя и ждал.
Я выдумал тебя, моё стремленье,
моя печаль, мой верный идеал.

И ты пришла, заслышав ожиданье,
узнав, что я заранее влюблён,

как детские идут воспоминанья
из глубины покинутых времён.

— А дальше только наброски, — закончил Смеляков.

— Не могу надивиться, как это у тебя так здорово стихи получаются? — восхитилась Валентина. — Я бы сама ни строчки не смогла сочинить. А твои стихи мне очень легко запомнить. Какое чудное стихотворение у тебя о матери! Ты будто и о моей маме написал:

Добра моя мать. Добра, сердечна.
Приди к ней — увенчанный и увечный —
делиться удачей, печаль скрывать —
чайник согреет, обед поставит,
выслушает, ночевать оставит:
сама — на сундук, а гостям — кровать.

Старенькая. Ведь видала виды,
знала обманы, хулу, обиды.
Но не пошло ей ученье впрок.
Окна погасли. Фонарь погашен.
Только до позднего в комнате нашей
теплится радостный огонёк…

Настал черёд растрогаться Ярославу. Она читала просто и сердечно, без всякой театральности, и слушать её певучий грудной голос было невыразимо приятно — до мурашек по спине. И в эту ночь они были особенно нежны друг с другом.

Маша Мамонова отыграла в апреле–мае все намеченные спектакли с большим успехом. Вокруг неё после отъезда Андрея снова роились поклонники и ухажёры, а она всё грустила и никому не подавала надежды. Однажды Смеляков, выходя из редакции, невольно услышал её разговор с подругами:

— Маш, ну что у тебя глаза на мокром месте? Уехал, и из сердца вон. Не мучь себя. Других парней полно.

— И правда, Маш, забудь этого Андрюху. Больно мнит о себе. Недостоин он тебя.

— Не могу я, девчонки. И хотела бы забыть его, да не выходит, — отвечала им Мария со слезами в голосе.

Причина её горя в июне стала видна всем: оказалось, она на пятом месяце беременности. Ярослав не был злопамятен и жалел Машу. Дома родители девушку простили, но старухи из окрестных деревень, ходившие в коммуну кто за покупками, кто за внуками в детсад, шептались за её спиной, показывали на неё пальцем. Всех ухажёров как ветром сдуло, кроме одного, которого она раньше игнорировала. Это сапожник Проворов, парень невидный, но искусный мастер и всегда при деньгах. Он дарил Мамоновой цветы и носил гостинцы, несмотря на её интересное положение. И сплетниц умел приструнить. В коммуне он не состоял и нецензурных выражений не стеснялся: «Цыц, такие разэтакие! Заткнитесь! Сами–то по молодости лучше, что ль, были? А ещё в Беседы в церковь ходят! Что там поп говорит? Не судите да не судимы будете. А вы, так вас этак, только и знаете, что всех судить–рядить».

Бабки при виде сапожника умолкали, побаиваясь, что он перестанет шить и чинить им обувь: другого такого хорошего мастера в округе не было. Постепенно сплетни сошли на нет. Осенью Мария родила сына Рому. Проворов продолжал свои ухаживания за нею, и теперь она принимала их с благодарностью.

Жизнь Ярослава и Валентины в 38–м году шла по накатанной колее. Почти всё время у Смелякова отнимала работа в газете, ведь необходимо было освещать многообразие происходивших в коммуне событий.

С сентября поселение коммуны стало официально именоваться Дзержинским рабочим посёлком. Однако его ещё долго называли коммуной. Новое просторечное название Дзержинка прижилось не сразу. В добавление к бюстам и памятникам Ленину, Сталину и Горькому здесь открыли памятник Дзержинскому, заложенный в сквере у верхнего пруда осенью 37–го года. В июне 38–го первые дипломы инженеров вручили во втузе при электро-

заводе. Многих знакомых коммунаров выпускали из коммуны, выдавали им паспорта. Некоторые из них находили себе работу в других городах и уезжали из посёлка. Среди них и Лёнька Пушковский. Работать на музфабрике ему стало неинтересно. Искусных старых мастеров репрессировали, и фабрика перестала выпускать уникальные инструменты, переключившись на ширпотреб.

Одних ребят забирали служить в армию, другие поступали в институты и училища. Членов коммуны становилось всё меньше. Покидали посёлок и некоторые вольнонаёмные. Федя Сметанин стал курсантом лётного училища. Он уехал один: Аня Кнутова не приняла его предложение руки и сердца.

В последних числах декабря 38–го года Хозяйственный отдел НКВД постановил преобразовать подчинённые ему коммуны в производственные комбинаты. Но сначала это мало повлияло на жизнь посёлка, а потом здешнее промышленное производство стали постепенно перепрофилировать на выпуск военной продукции.

В 39–м году репрессии поутихли. В мае большую группу работников комбината наградили орденами и медалями. Самую высокую награду получил управляющий Осипов — орден Ленина. А для Смелякова лучшей наградой стало долгожданное восстановление в Союзе писателей СССР. Произошло это при поддержке председателя президиума Александра Фадеева в июле 39–го года. Стихи Ярослава начали публиковать центральные газеты и журналы: «Молодая гвардия», «Литературная газета», «Огонёк», «Красная новь».

Однако вместе с гражданскими правами Смеляков обрёл и обязанности. Началась финская война. Поселковских ребят, кто не имел брони, одного за другим призывали в действующую армию. Декабрьским утром в дверь редакции постучал курьер из Ухтомского райвоенкомата.

— Да–да, входите, — откликнулся Ярослав.

— Товарищ Смеляков Ярослав Васильевич? — спросил курьер.

— Так точно.

— Вам повестка, распишитесь вот здесь.

Ярослав расписался и прочёл повестку. Явиться с вещами предписывалось на следующий день к восьми утра в Люберцы на сборный пункт.

Смеляков написал заявление об увольнении в связи с призывом в армию и завизировал у ответственного редактора Дубровского. Отдав Анне Ивановне Морозовой на перепечатку законченные газетные материалы, он пошёл к коменданту и, получив обходной лист, принялся сдавать то, что за ним числилось. Вернул книги в библиотеку, заглянул в гараж, где уже полтора года работала Таня Волкова. Простившись с Вишней, он снова зашёл в редакцию и застал там Аню Илюнину: она была беременна и задержалась на приёме в женской консультации.

— Ярочка, жаль расставаться. Воюй храбро, но не лезь на рожон понапрасну. И возвращайся к нам. Будем тебя ждать, — от души пожелала Аня.

— И ты береги себя, Анют. И роди крепкого пацана. До свиданья.

К концу рабочего дня сборы были окончены. Смеляков сдал коменданту койку в общежитии, собрал всё необходимое в вещмешок, летние вещи сложил в небольшой чемоданчик и понёс к Валентине. Ей уже передали, что Ярослав получил повестку, она приготовила ужин и с нетерпением ждала его. Валя понимала, что ему надо проститься с матерью и он не останется ночевать. Она проводила его как настоящая казачка — без слёз и причитаний. Убрала на антресоли чемоданчик, вкусно накормила. Они крепко обнялись, поцеловались на прощанье, и Валя тихо сказала:

— Я буду тебя очень ждать. Пиши.

— Обязательно напишу. Можно я возьму твоё фото?

— Конечно, — она достала из рамочки снимок и сама положила ему в нагрудный карман. — Иди, Яра, а то на последний автобус опоздаешь.

Они простились у дверей. Ярослав пошёл на площадь, где останавливался автобус. Закуривая, он оглянулся на знакомое

окно, светящееся в темноте, и увидел, что Валя перекрестила его. «Как мать», — подумал Смеляков и, помахав ей рукой, быстро зашагал по освещённому фонарями заснеженному тротуару вниз к остановке…

Финская кампания оказалась неожиданно тяжёлой. Маленькая обречённая страна отчаянно сопротивлялась, и Красная армия, имея значительное превосходство в численности и технике, несла большие потери убитыми, ранеными, обмороженными, больными. Финляндия капитулировала только 13 марта 1940 года, удовлетворив все территориальные претензии СССР.

Смеляков воевал честно и отважно, за чужие спины не прятался. В январе во время затишья он написал два коротеньких письмеца матери и Валентине, а когда началось наступление на линию Маннергейма, стало уже не до писем. Ярославу повезло: пули его не задели, болезни и обморожения обошли стороной. Но скольких его товарищей по оружию поглотила эта короткая кровопролитная война! Он бережно хранил в нагрудном кармане фото Валентины и свой походный блокнотик со стихотворением «Луна закрыла горестные тучи…», посвящённым погибшим, и с другими стихами, набросанными в перерывах между боями.

Весной 40–го года Смелякова демобилизовали, он вернулся в Москву и поселился на квартире у матери. Друзья возобновили хлопоты за него, и Ярослава приняли наконец на работу в аппарат Союза писателей инструктором секции прозы. Пока он воевал, в «Молодой гвардии» вышла подборка его стихов, написанных в коммуне. Смеляков прихватил журнал с собой, когда поехал в Дзержинку выписываться из общежития и проведать Валентину: сильно по ней соскучился.

Она очень обрадовалась его приезду и поэтическому подарку. И вслух тихо, почти про себя, прочла последние строфы стихотворения «Давным–давно»:

Благодарю за смелое ученье,
за весь твой смысл, за всё — за то, что ты

была не только рабским воплощеньем,
не только точной копией мечты:

исполнена таких духовных сил,
так далека от всякого притворства,
как наглый блеск созвездий бутафорских
далёк от жизни истинных светил;

настолько чистой и такой сердечной,
что я теперь стою перед тобой,
навеки покорённый человечной,
стремительной и нежной красотой.

Пускай меня мечтатель не осудит:
я радуюсь сегодня за двоих
тому, что жизнь всегда была и будет
намного выше вымыслов моих.

Они проговорили весь вечер о том, как Смеляков воевал, о событиях в посёлке и общих знакомых. Он остался у Валентины ночевать, любил её так же самозабвенно и страстно, как раньше, и она ему отвечала не менее горячо.

Ярославу казалось, что чувство его к ней ничуть не померкло, но он ошибался. Это был последний взлёт их любви. Утром поэт простился с Валентиной, обещая часто приезжать. Они вместе вышли из дома: она — на работу, он — в паспортный стол со своим чемоданчиком, всю зиму хранившимся у неё.

Получив паспорт со штампом о выписке, Смеляков уехал в Москву, принялся там хлопотать о прописке, о постановке на учёт в военкомате и вскоре получил все необходимые советскому гражданину документы. Потом новые дела, сердечные увлечения, творческие командировки, подготовка сборника стихов захватили его так, что времени не находилось съездить в Дзержинку. Сама Валя не звонила, не в её правилах было навязываться. Её образ и воспоминания о годах, проведённых в

коммуне, стали отдаляться, уходить в прошлое. Нет, он не забыл ещё недавно так горячо любимую женщину. Проводя отпуск в Крыму, Ярослав купил ей, как и сестре Зине, дорогой флакончик настоящего розового масла и баночку душистого горного мёда, намереваясь наведаться в посёлок сразу после возвращения в Москву. Но поэтические вечера, заседания, застолья, командировки, текущая работа в Союзе писателей, собственные стихи и статьи, которые он часто писал по ночам, снова закрутили его. Положа руку на сердце, он мог бы выкроить время, но всё откладывал поездку.

Подходил к концу сентябрь, когда Смеляков наконец понял, что если в предстоящее воскресенье не поедет к Вале, то потом так и не выберется в Дзержинку. В субботу он позвонил Валентине на работу:

— Привет. Извини, долго не мог попасть к тебе. Работы много. Завтра в двенадцать буду у тебя.

— Приезжай, Яра, жду, — ответила она вежливым и непривычно холодным тоном.

В воскресенье вечером поэт отправлялся в очередную командировку, поэтому собрал вещмешок, чтобы из Дзержинки сразу ехать на вокзал. Он долго прождал автобус в Люберцах и добрался до Валиного дома только в половине первого. У неё, как всегда, был готов вкусный обед. Она встретила улыбкой, благодарила за подарки, сразу надушилась розовым маслом, но на поцелуй ответила сдержанно. Ярослав оживлённо рассказывал ей о своей работе, о друзьях, о готовящемся сборнике. Она слушала его, не перебивая, гостеприимно подкладывала в тарелку лучшие кусочки. Но за её внешним радушием таилась отчуждённость, которая чувствовалась во взгляде по–прежнему прекрасных больших глаз. Густые длинные ресницы, казалось, затеняли блеск этих серых глаз, придавая им печальное выражение. Валя оживилась, только когда Смеляков читал ей свои крымские стихотворения и «Казачью походную» — песню, пока не положенную на музыку. Краем глаза он заметил, что журнал «Молодая гвардия» с его стихами лежит у неё на прикроватной тумбочке.

О себе Валя говорила мало: мол, всё у неё хорошо. Ни в чём не упрекала, ни о чём не просила. Ярослав не мог понять, обижена ли она его долгим отсутствием или её любовь к нему перегорела. А может быть, она, как всегда, не хотела навязываться, безошибочной женской интуицией давно почувствовав, что он уже не испытывает к ней прежней любви.

Пробыв у Валентины часа два, Смеляков стал собираться на вокзал:

— Ну, мне пора, как бы на поезд не опоздать.

— Подожди минутку, я тебе пирожков в дорогу дам, — она быстро вышла из комнаты, принесла с кухни бумажный пакет с пирогами, завернула его ещё в старый номер «Дзержинца» и положила в вещмешок. — Счастливого пути. Приезжай, если сможешь, — сказала она грустно, но без слёз в голосе.

На пороге они обнялись, Смеляков взял вещмешок и, попрощавшись, вышел из подъезда. На улице он оглянулся по привычке на Валино окно и увидел, что она перекрестила его, как год назад, когда провожала на фронт. В уголках её глаз блестели слезинки. И Ярослав понял, что она его отпустила. Без возвращения назад. Напоследок помахав ей рукой, он пошёл по усыпанной жёлтыми листьями дорожке в сторону площади на остановку. На душе он испытывал тяжесть и лёгкость одновременно. И был благодарен судьбе за любовь к Валентине, которая подарила ему столько счастья и скрасила его коммунарские годы.

Проходя мимо клуба, он вдруг услышал знакомый голос Ани Илюниной:

— Ярочка, здравствуй! Как я рада тебя видеть!

Она гуляла на площадке с девятимесячным сынишкой на руках, который всё время хныкал. «Как похудела, осунулась», — пожалел её Смеляков, но вида не подал:

— Здравствуй, Анют. Я тоже так рад, что встретил тебя! Как сына назвала?

— Кириллом. Он у меня такой беспокойный. Животиком день и ночь мается, плачет. Но доктор говорит, это неопасно, пройдёт со временем. А тут ещё зубик режется.

— Кирюшка, ты ж пацан, чего нюни распустил? — Ярослав состроил уморительную рожицу. — Плакса–вакса–гуталин, на носу горячий блин!

Малец перестал хныкать, улыбнулся и загулил.

— Агу! — передразнил его Смеляков. — Пойдёт ко мне? — спросил он Аню.

— Отчего нет. Кирюшка у нас любопытный, — ответила она.

Ярослав поставил вещмешок на асфальт и взял мальчонку на руки. Тот притих: его заинтересовал блестящий козырёк на кепке.

— Ань, а как там Вишня, как Лёва?

— Сестра всё так же в транспортном отделе работает, в гараже. Ей там нравится. Коллектив очень дружный. Лёва на службе пропадает и в театре. Завком наконец нашёл деньги на постановку. Кстати, Маша недавно вернулась на сцену. Она теперь Проворова. У неё такое горе случилось: Ромочка, сынишка её, умер.

— Жаль–то как, — расстроился Ярослав. — Хороший был мальчишечка. А чем он болел?

— Не знаю точно. Не то корью, не то скарлатиной. Температура очень высокая поднялась, сильные судороги пошли. Врачи ничего не смогли сделать. Другие дети тоже болели, но все выздоровели. Кстати, у Вани Ерастова сын родился, Колей назвали. Он на два месяца младше моего Кирюши. Иван теперь начальником службы снабжения работает. Я с его женой в детской поликлинике иногда вижусь. А ты–то сам как?

— Я в порядке, в Союзе писателей инструктором в секции прозы работаю, новый сборник готовлю с Владимиром Владимировичем Казиным.

— Это который тебе первые книги редактировал?

— Да.

— Успеха, Ярочка! Мы читали твои стихи о войне в журнале. Очень понравились.

— Я рад.

Тут Кирюша на руках у Смелякова стал кукситься: видно, разглядывать козырёк на кепке и слушать взрослые разговоры

малышу надоело. Аня сунула ему погремушку и взяла ребёнка у Ярослава, но мальчик опять расхныкался, бросив игрушку на землю.

— Кирилл свет Львович, что же ты мокроту разводишь? — шутливо обратился к нему Смеляков, опять состроив весёлую рожицу. — Не хнычь, не болей, гляди веселей!

Мальчик умолк, посмотрел на него удивлённо круглыми ясными глазками и сказал:

— Гу–у–у!

— Яра, спасибо. У тебя так здорово получается его развлечь!

— Вот видишь, какой я хороший нянь, — улыбнулся Ярослав, но взглянув на часы, погрустнел и заторопился:

— Анют, я на автобус спешу. В командировку сегодня уезжаю. Привет от меня Вишне, Лёве и всем знакомым.

— Обязательно передам. До свиданья, Ярочка.

— Прощай. Кто знает, свидимся ли ещё?

Он подобрал погремушку, положил её Ане в сумку, вскинул вещмешок на плечо и не оглядываясь пошёл на площадь к остановке. Через десять минут автобус увозил его на станцию Люберцы. Ярослав глядел в заднее стекло на знакомые улицы, на удаляющиеся барабаны бывшего собора. Куранты пробили три часа. Блеснул на прощанье из–за поредевших золотистых крон деревьев купол колокольни и скрылся из виду.

Смеляков печально вдохнул. Он словно почувствовал, что больше никогда не увидит здешних друзей и не вернётся в посёлок, где протекли три трудных и счастливых года его молодости, воспоминания о которых будут вдохновлять его в конце жизни.

Памяти Ярослава Смелякова

Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путём.
Я. Смеляков

Ярослав Смеляков неистовый…
Яра — его прозвание.
Сердце поэта чистое
гордо сквозь испытания
нёс он как символ стойкости
и не сошёл с тропы.
Эпика — резкой точности
пафос его борьбы.
Лирика — чудной тонкости
ткань непростой судьбы,
сплав сильных чувств и мыслей.
Но себя самого
в гениях он не числил:
Пушкин — кумир его.

Ярослав Смеляков неистовый…
Смелость — его стезя.
Строк искромётных, искренних
сердцу забыть нельзя.
Слово любви не продано,
хоть враги жестоки.
Благополучие отдано
жертвою за стихи…
Оставляя в них всё, что дорого,
он ушёл напролом
не больничными коридорами —
Млечным Путём.

«Критикам» Смелякова

Стало модно нынче в интернете
Смелякова мелочно хулить,
Как о человеке и поэте
«Правду–матку голую» рубить:

Был нахалом, мол, и грубияном,
Нецензурной лексикой грешил,
Крепко выпивал, в угаре пьяном
За столом бранился и чудил,

Был ревнив к успеху и тщеславен,
Ленину стихами плёл венок,
Но с Твардовским потягаться славой
Всё равно, мол, никогда не мог…

Отболели страсти те земные,
Низко и грешно их смаковать,
Но как в старой басне, моськи злые
На слона сбежались побрехать.

Смеляков не ангел был, конечно,
Только разве это важно нам?
Главное— мы слышим ритм сердечный,
Придающий жизнь его стихам.

На пластинке голос Ярослава
Хрипловат и задушевно прост.
Тщетно мосек тявкает орава:
Наш поэт идёт в свой полный рост.

Взгляд его небесно–васильковый
Устремлён на прапраправнучат.
Лучшие творенья Смелякова
В чистых душах песнями звучат.

Ярослав Смеляков. 1939 г.

Ярослав Смеляков.
Краткая летопись жизни и творчества

1912 г., 26 декабря ст.ст./**1913 г. 8 января** н.ст. Родился в г. Луцке в семье железнодорожного служащего В.Е. Смелякова.

1914 г., лето. Переехал с семьёй в Воронеж.

1920–1924 гг. Учился в 1–й советской трудовой школе г. Воронежа, каникулы проводил у родственников в деревне Овсище Витебского уезда.

1924 г. Окончил начальную школу в Воронеже, начал писать первые стихи, переехал в Москву, поступил в семилетнюю школу.

1928 г. Окончил семилетнюю школу №48 Краснопресненского района г. Москвы.

1928–1930 гг. Работал в различных московских организациях дворником, истопником, помощником агента снабжения промкооперации, участвовал в ликвидации неграмотности в Чувашии, работал в «Деревенской газете» в Рязани.

1930 г., март. Поступил в московскую полиграфическую школу фабрично–заводского обучения имени Ильича. Первая публикация в стенгазете.

1930–1934 гг. Занимался в литературных кружках при журнале «Огонёк» и газете «Комсомольская правда».

1931 г. Познакомился с поэтом Михаилом Светловым, впервые опубликовавшим его стихи в журнале «Октябрь». Окончил школу ФЗО им. Ильича.

1931–1934 гг. Работал в 14–й типографии «Полиграфиздата», публиковал подборки стихов в центральных газетах, журналах, альманахах, некоторые из которых сам набирал.

1932 г. Опубликованы брошюра «Стихи» в библиотечке «Огонька» и первая книга «Работа и любовь».

1934 г. Принят в Союз писателей СССР. Вышла в свет брошюра политической лирики «Счастье», сборник «Стихи», а также книга «Дорога» в библиотечке «Огонька».

1934 г., 22 декабря. Арестован НКВД по ложному обвинению (участие в антисоветской группе).

1935 г., 4 апреля. Приговорён к 3 годам заключения.

1935–1937 гг. Находился в тюрьме, где работал бригадиром.

1937 г., март. Досрочно освобождён и переведён воспитанником в трудовую коммуну НКВД №2 (впоследствии пос. Дзержинского Люберецкого района Московской области).

1937 г., апрель — 1939 г., ноябрь. Работал ответственным секретарём многотиражной газеты «Дзержинец», где публиковал свои репортажи, очерки и стихи: «Мама», «Лирическое отступление», «Майский вечер», «Давным–давно», рассказ «Поражение мастера» и другие.

1938 г., апрель. Восстановлен в гражданских правах.

1939 г., июль. Восстановлен в Союзе писателей СССР по ходатайству секции поэзии, поддержанному А.А. Фадеевым.

1939 г., декабрь. Призван в действующую армию рядовым, принял участие в Советско–финской войне 1939–1940 гг.

1940 г., весна. Демобилизован, зачислен в резерв РККА. Принят на работу ответственным инструктором секции прозы. Поселился у матери в Москве (ул. Большая Молчановка, 31).

1940 — май 1941 г. Писал много стихов (цикл «Крымские стихи», «Хорошая девочка Лида», «Если я заболею…» и др.), публиковался в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Красной нови», журнале «30 дней» и других изданиях. Под руководством В.В. Казина подготовил новый сборник стихов, который не был издан.

1941 г., май. Призван из резерва во 2–ю легкострелковую бригаду рядовым и направлен на прохождение службы в Карелию.

1941 г., лето–осень. Участвовал в боях на подступах к Ленинграду, попал со своей частью в плен к финнам.

1941 г., осень — 1944 г., осень. Находился в финском лагере для военнопленных, выполнял подневольные работы на ферме.

1944 г., осень. По обмену военнопленными освобождён из финского лагеря и направлен в фильтрационный советский лагерь в Сталиногорский (ныне Новомосковский) район Тульской области, где работал на 13–й шахте, исполнял обязанности банщика, затем помощника заведующего банно–прачечным комбинатом шахты.

1945 г., октябрь. Освобождён из лагеря без права проживания в Москве, переехал в г. Сталиногорск, при содействии главного редактора К.И. Разина и поэта С.Я. Позднякова принят в штат газеты «Сталиногорская правда» на должность ответственного секретаря.

1946–1947 гг. Жил в Сталиногорске (ныне Новомосковск) сначала на квартире С.Я. Позднякова, позднее в предоставленной ему от газеты комнате, руководил литературным объединением, писал много стихов («Земля», «Кремлёвские ели», «Милые красавицы России», «Манон Леско» и др.), которые начали публиковать московские журналы «Новый мир», «Знамя». Работал в газете «Московская кочегарка». Вступил в первый брак (с Е.В. Курбатовой). При содействии К.М. Симонова получил разрешение проживать в Москве.

1948–1951 гг. Жил с матерью Ольгой Васильевной и женой Евдокией Васильевной (Дусей) в Москве на ул. Арбат, 38/1, в маленькой однокомнатной квартире. Приезжал к друзьям в Сталиногорск, где участвовал в работе местного литобъединения, вместе с С.Я. Поздняковым вёл литературный кружок.

1948 г. Восстановлен в Союзе писателей СССР. Выпустил в свет сборник «Кремлёвские ели».

1949 г. Написал поэму «Лампа шахтёра».

1950 г. Вышел сборник «Стихи».

1951 г., август. Арестован НКВД по доносу и осуждён по статье 58 УК на 25 лет лагерей.

1951–1954 гг. Отбывал заключение в г. Инте. Работал на руднике мусорщиком. Лагерный номер Л–222. Вынужденно из–за судимости заочно развёлся с первой женой. В лагере писал стихи («Мы не рабы» и др.) и 1–ю часть поэмы «Строгая любовь».

1952 г. Смерть матери О.В. Смеляковой в возрасте 74 лет.

1954–1955 гг. Отбывал ссылку в г. Инте.

1955 г. Освобождён по амнистии. Возвратился в Москву, где вновь поселился в квартире на ул. Арбат, 38/1. Поэма «Строгая любовь» опубликована в журнале «Октябрь».

1956 г. Реабилитирован, восстановлен в Союзе писателей СССР. Выпустил в свет книгу «Строгая любовь», получившую широкое признание (переиздана в 1967 г.). Начал редактировать альманах «День поэзии». Женился на поэтессе и переводчице Татьяне Валерьевне Стрешневой.

1957 г. Вышла в свет книга избранных стихотворений. (Однотомники и двухтомники избранных стихов издавались при жизни также в 1961, 1964, 1967 и 1970 гг.).

1957–1972 гг. Работал в аппарате Союза писателей СССР председателем поэтической секции вместе с поэтом М.К. Лукониным, в издательстве «Молодая гвардия», в журнале «Дружба народов» (вёл раздел поэзии). Публиковал стихи, поэмы, очерки и публицистические статьи в различных изданиях. Много ездил по республикам СССР, а также во второй половине 1960–х гг. — по зарубежным странам: Монголии, Японии, Болгарии, Франции, Чехословакии, Югославии. Награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени.

1959 г. Вышла в свет книга «Разговор о главном».

1960 г. Выпустил книгу «Работа и любовь» (переиздана в 1963 и 1973 гг.). Переехал в новую квартиру на Ломоносовском проспекте, 19.

1962 г. Вышла в свет книга «Золотой запас».

1963 г. Вышла в свет книга «Хорошая девочка Лида».

1965 г. Выпустил книги «Алёнушка» и «Роза Таджикистана».

1966 г. Выпустил книгу «Милые красавицы России».

1967 г. За книгу «День России» (переиздана в 1968 и 1974 гг.) удостоен Государственной премии СССР. Избран в правление Союза писателей СССР.

1968 г. Выпустил книги «Товарищ комсомол», «Молодые люди. Комсомольская поэма», «Новые стихотворения». Получил премию Ленинского комсомола. Перенёс серьёзную болезнь, лежал в больнице.

1970 г. Выпустил книги «Связной Ленина», «Декабрь». Избран членом правления Союза писателей РСФСР.

1972 г. Выпустил книгу «Моё поколение».

1972 г., 27 ноября. Скончался на 60–м году жизни (похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве).

Упоминаемые лица

Алигер (Зейлигер) ***Маргарита Иосифовна*** (1915–1992), поэтесса, автор сборников «Памяти храбрых» (1942), «Ленинские горы» (1953), «Синий час» (1970), «Четверть века» (1981), а также мемуаров, в 1943 г. удостоена Государственной премии за поэму «Зоя» (о Зое Космодемьянской).

Амиреджиби Родам Ираклиевна (1918–1994), грузинская княжна, сестра классика грузинской литературы Чебуа Амиреджиби (1921–2013), первая жена поэта Михаила Светлова, впоследствии гражданская жена физика Бруно Понтекорво (1913–1993).

Багрицкий (Дзюбин) ***Эдуард Георгиевич*** (1895–1934), известный советский поэт, переводчик, драматург.

Беляев Юрий Дмитриевич (1876–1917), журналист, критик и драматург, автор книг «Актёры и пьесы» (1902) и «Мельпомена» (1905), «В некотором царстве» (1906), с 1908 г. начал писать для театра, большой успех имели его пьесы «Путаница, или 1840», «Псиша».

Бондаревский Александр Григорьевич (1900–1961), жокей Московского ипподрома, рекордсмен, второй муж Е.В. Курбатовой–Смеляковой.

Васильев Павел Николаевич (1910–1937), поэт, очеркист, автор сборников очерков «В золотой разведке», «Люди в тайге», поэм «Соляной столб», «Кулаки», «Синицын и компания», «Христолюбовские ситцы» о сибиряках, в том числе сибирском казачестве, в 1936 г. был арестован, в 1937 г. расстрелян, реабилитирован в 1956 г.

Виноградов Николай Николаевич (1888–1958), актёр, режиссёр, играл в Первом московском передвижном рабочем театре (впоследствии Московский театр им. Н.Э. Баумана), затем в Московском областном драматическом театре на ул. Спартаковской.

Глебов-Афремов Игорь Михайлович (1913–1937), инженер фибролитового завода трудкоммуны № 2, родственник жены Л.Б. Каменева, арестован 10 февраля 1937 г., расстрелян 27 мая 1937 г., впоследствии реабилитирован.

Гусев Виктор Михайлович (1909–1944), поэт, драматург, автор пьес в стихах «Слава», «Сын Рыбакова», киносценариев «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», лауреат Государственной премии (1942, 1946).

Долматовский Евгений Аронович (1915–1994), поэт, писатель, автор текстов популярных песен, книг «Слово о завтрашнем дне» (1943), «Годы и песни» (1963), «Зелёные брама» (1982), «Международный вагон» (1986), трёхтомника «Было. Записки поэта» (1973–1988), участник Великой Отечественной войны.

Ерастов Иван Георгиевич (1912–1984), член трудкоммуны №2 НКВД, где окончил школу и втуз, с 1936 г. работал на заводе в отделе снабжения, знакомый Я.В. Смелякова.

Ерастов Николай Иванович (1940–2016), старший сын И.Г. и Т.В. Ерастовых, впоследствии работал экономистом на оборонном заводе, в торговых организациях.

Ерастова Татьяна Васильевна (1915–2000), урождённая Антипычева, жена И.Г. Ерастова, вольнонаёмная работница трудкоммуны №2, работала в столовой, на музыкальной фабрике, впоследствии домохозяйка, воспитывала четверых детей.

Есенин Сергей Александрович (1895–1925), великий русский поэт.

Зозуля Ефим Давидович (1891–1941), советский писатель, автор философско–сатирических сказок, незаконченных романов «Мастерская человеков» и «Собственность», незаконченного цикла новелл «Тысяча», в 1930–е гг. работал заместителем редактора журнала «Огонёк», погиб на фронте.

Ивановская Валентина Иосифовна (1910–2007), двоюродная сестра Я.В. Смелякова, ассистент знаменитого телепата Вольфа Мессинга (1899–1974), жила в Москве.

Ивановская Евфросинья Васильевна (1881–1997), урождённая Крицкая, сестра О.В. Смеляковой, тётя Я.В. Смелякова, мать А.И. и В.И. Ивановских.

Ивановский Анатолий Иосифович (1912–1992), двоюродный брат Я.В. Смелякова, инженер–электрик, впоследствии проживал в Одессе.

Илюнин Кирилл Львович (1939–2008), сын Л.И. и А.Н. Илюниных, впоследствии машинист поездов дальнего следования на маршруте Владивосток — Москва.

Илюнин Лев Иванович (1911–1962), ведущий актёр театра трудкоммуны №2, мастер–электрик на оборонном заводе.

Илюнина Анна Николаевна (1918–2002), урождённая Волкова, экспедитор редакции многотиражки «Дзержинец» в 1937–1940 гг., друг Я.В. Смелякова.

Казин Василий Васильевич (1898–1981), советский поэт, один из организаторов группы пролетарских поэтов «Кузница», автор книг «Рабочий май» (1922), «Избранное» (1978) и других.

Каменев (Розенфельд) ***Лев Борисович*** (1883–1936), российский революционер, советский партийный и государственный деятель, до 1926 г. занимал крупные партийные и государственные посты, с 1927 г. неоднократно исключался из ВКП(б) и восстанавливался, несколько раз арестовывался, в 1936 г. осуждён и расстрелян по делу «троцкистко–зиновьевского объединённого центра».

Карасёв Вячеслав Сергеевич (род. 1939), поэт, член Союза писателей России и литобъединения «Родники» (г. Ступино), в 1945–1953 гг. жил в г. Сталиногорске, был членом литературного кружка, которым руководили Я.В. Смеляков и С.Я. Поздняков, по специальности юрист.

Кнутова Анна Ивановна (1916–2006), в замужестве Белякова, спортсменка–парашютистка, общественница, работала на заводах в пос. им. Дзержинского, впоследствии была начальником отдела на оборонном заводе №1 (ныне в составе ФЦДТ «Союз»), с 18 лет в течение 40 лет избиралась в советы народных депутатов села, посёлка, Люберецкого района.

Кобрин Борис, московский журналист, в 1928–1929 гг. ответственный секретарь «Деревенской газеты» в г. Рязани, родственник Я.В. Смелякова.

Кольцов (Фридлянд) ***Михаил Ефимович*** (1898–1940), советский писатель, журналист, автор сатирических рассказов, фельетонов и очерков, книги «Испанский дневник» (1938), участник революции и Гражданской войны, войны в Испании, сотрудничал с органами НКВД, основал журналы «Огонёк», «Крокодил», «Чудак», член редколлегии газеты «Правда», редактировал журнал «За рубежом», член–корреспондент АН СССР (1938), в 1928 г. посетил трудкоммуну №2 НКВД и опубликовал в газете «Правда» посвящённый этому визиту очерк «В монастыре»,

репрессирован в 1938 г., в 1940 г. расстрелян (по другим данным, умер в ГУЛАГе в 1942 г.), реабилитирован в 1954 г.

Копорова Лора (Лариса), член трудкоммуны №2 с 1932 г., квалифицированная машинистка, работала на заводе «Спартак», участница Великой Отечественной войны, разведчица–партизанка на Смоленщине, в Белоруссии, воевала в отряде Героя Советского Союза С.В. Гришина, была тяжело ранена.

Коржавин (Мандель) ***Наум Моисеевич*** (род. 1925), поэт, критик, в 1947 г. репрессирован, в 1954 г. вернулся в Москву из ссылки, в 1956 г. реабилитирован, автор сборника стихов «Годы» (1963), пьесы «Однажды в двадцатом» (1967), сборников стихов и поэм «Времена» (1976), «Сплетения» (1981), «Письмо в Москву» (1991), «Время дано» (1992), в 1973 г. эмигрировал в США, сотрудничал с русскоязычными журналами «Континент» (США), «Грани» (ФРГ), живёт в Бостоне, часто приезжает в Россию.

Корнилов Борис Петрович (1907–1938), поэт, входил в группу «Смена», автор книг «Молодость», «Все мои приятели», поэм «Триполье», «Моя Африка» и песен, популярных в первой половине 1930–х гг., в 1936 году исключён из Союза писателей СССР, в 1937 г. арестован по делу об убийстве Кирова, в 1938 г. расстрелян, реабилитирован в 1957 г.

Крицкий Николай Степанович (1911–1975), двоюродный брат Я.В. Смелякова, заслуженный артист РСФСР.

Кудрявцева Марфа Логиновна (1883–1973), мать А.Д. Смелянской, уроженка дер. Угрешская Слобода, воспитала внуков.

Ланской Пётр Петрович (1799–1877), генерал от кавалерии, муж Н.Н. Пушкиной с 1844 г.

Луконин Михаил Кузьмич (1918–1976), поэт, лауреат Государственных премий СССР (1949, 1973), близкий друг Я.В. Смелякова, вместе с которым руководил секцией поэзии в Союзе писателей СССР, основные издания: «Сердцебиение» (1947), «Рабочий день» (1948), «Необходимость» (1969), «Пять книг» (1974).

Львов Сергей Львович (1922–1981), советский писатель, журналист, литературный критик.

Мазель Исаак Яковлевич (1911–1945), советский шахматист, чемпион Москвы, участник Великой Отечественной войны, командовал взводом в звании лейтенанта, умер в госпитале от тифа.

Макаров Сергей (ум. в 1937), юрист, муж В.А. Макаровой–Климович.

Макарова Валентина Аркадьевна (1908 — ?), урождённая Климович, предмет любви Я.В. Смелякова в 1937–1940 гг., адресат стихотворений

«Лирическое отступление», «Давным–давно» и других, работала в трудкоммуне №2 с 1932 г., в 1941 г. эвакуировалась с предприятием в Сибирь, дальнейшая судьба неизвестна.

Макарова Тамара Фёдоровна (1907–1997), русская советская киноактриса, педагог, профессор, народная артистка СССР (1950).

Макаров–Ракитин Константин Дмитриевич (1912–1941), советский композитор и педагог, первый муж поэтессы Маргариты Алигер, погиб на фронте.

Мамонова Мария Тимофеевна (1918–2004), в замужестве Проворова, самодеятельная актриса, работала бухгалтером, счетоводом, предмет увлечения Я.В. Смелякова в 1937 г., предположительно, адресат стихотворения «Майский вечер».

Медова Анна Андреевна (1916 — не ранее 2001), главный редактор многотиражки «Дзержинец» в 1937 г., затем партийный работник оборонного завода в посёлке трудкоммуны имени Дзержинского, в 1941 г. эвакуировалась с заводом в г. Новосибирск, где впоследствии постоянно проживала.

Михалков Сергей Владимирович (1913–2009), выдающийся советский русский писатель, поэт, баснописец, драматург, публицист, военный корреспондент, автор текстов гимнов СССР и России.

Морозова Анна Ивановна (1904–1978), машинистка в редакции газеты «Дзержинец» в 1937–1941 гг.

Миронов Григорий, член трудкоммуны №2 НКВД, впоследствии работал в органах госбезопасности.

Мысин Пётр (около 1913 — ?), ведущий актёр театра–студии трудкоммуны №2, коммунар, в 1939 г. уехал из пос. им. Дзержинского, дальнейшая судьба неизвестна.

Осипов Иосиф Петрович, член ВКП(б) с 1917 г., управляющий трудкоммуной №2 НКВД в 1937–1938 гг., начальник производственного комбината НКВД (бывшей трудкоммуны №2), в 1939 г. награждён орденом Ленина.

Павлов Пётр Иванович (1907–1937), член ВКП(б) с 1927 г., первый секретарь Ухтомского райкома ВКП(б) Московской области, арестован 9 июля 1937 г., расстрелян по ложному обвинению 11 декабря 1937 г.

Павловский Семён Григорьевич (1906 — не ранее 1954), оперуполномоченный 9–го отделения 4–го отдела НКВД в звании младшего лейтенанта, в начале 1950–х гг. являлся заместителем начальника отдела 2–го Главного управления МГБ СССР в звании полковника, в октябре 1951 г. арестован, в 1953 г. освобождён, в феврале 1954 г. уволен из МВД с формулировкой

«по служебному несоответствию», по некоторым сведениям, скончался в психбольнице в г. Казани.

Перепёлкин Василий Степанович (1915 — ?), младший брат С.С. и П.С. Перепёлкиных, впоследствии инженер–электрик.

Перепёлкин Евгений Степанович (1922–2002), сын С.С. Перепёлкина, теннисист, чемпион Москвы среди юношей в парном разряде (1939), мастер спорта, арбитр, спорторганизатор, участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Отечественной войны I и II степени, победитель чемпионата Москвы в команде (1948), в 1948 г. необоснованно репрессирован, в 1955 г. реабилитирован, призёр (1956, 1958) и чемпион Москвы (1960), директор спорткомплекса «Шахтёр» в 1977–1984 гг.

Перепёлкин Павел Степанович (1900–1980), управляющий трудкоммуной №2 НКВД в 1929–1935 гг., в 1935–1937 гг. начальник отдела НКВД по работе с трудкоммунами и колониями для несовершеннолетних, участник Великой Отечественной войны, впоследствии работал на предприятиях Министерства местной промышленности.

Перепёлкин Степан Степанович (1894–1937), участник Февральской революции, делегат II Всероссийского съезда Советов в 1917 г., квалифицированный автомобилист, занимал руководящие должности в профсоюзных организациях работников транспорта, в автодорожных учреждениях Крыма, Ростова–на–Дону, Москвы, был начальником «Союзтранса», в 1935–1937 гг. работал начальником отдела по испытанию автомобилей на ЗИЛе, входил в правление ряда общественных организаций автомобилистов, арестован в 1937 г. по ложному обвинению и расстрелян, впоследствии реабилитирован.

Перепёлкина Анастасия Яковлевна (1900–1994), жена П.С. Перепёлкина, домохозяйка.

Перепёлкина Мария Павловна (1919–1987), старшая дочь П.С. Перепёлкина, окончила Пермский государственный университет, работала экономистом–плановиком.

Перепёлкина Раиса Павловна (род. в 1925), младшая дочь П.С. Перепёлкина, впоследствии окончила МАИ, работала в ОКБ С.С. Ильюшина.

Погребинский Матвей Самойлович (1895–1937), сотрудник ЧК — ОГПУ — НКВД СССР, основатель и руководитель Болшевской трудовой коммуны №1 (1926–1928), имел прозвище Кубанка, комиссар государственной безопасности 3–го ранга (1935), полномочный представитель ОГПУ при СНК СССР по Горьковскому краю, начальник Управления НКВД по Горьковскому краю, покончил жизнь самоубийством.

Подгорская Антонина Васильевна (1891–1960), урождённая Крицкая, тётя Я.В. Смелякова, мать художника-мультипликатора И.В. Подгорского и скульптора О.В. Подгорского (1925–2010), репрессирована в 1930 г., после освобождения жила в г. Воронеже.

Подгорский Владимир Николаевич, супруг А.В. Подгорской с 1915 г., по сведениям родственников, происходил из семьи сельского священника, был офицером, в 1920-х годах проживал в селе в Винницкой области, крестьянствовал, репрессирован в 1928 г. (без права переписки), из заключения не вернулся.

Подгорский Игорь Владимирович (1922–1975), двоюродный брат Я.В. Смелякова, известный художник–мультипликатор, художник–постановщик и режиссёр мультфильмов, жил в Москве.

Поздняков Степан Яковлевич (1913–1996), поэт, близкий друг Я.В. Смелякова, участник Великой Отечественной войны, с 1943 г. после демобилизации по тяжёлому ранению работал в газете «Сталиногорская правда» (до выхода на пенсию), публиковался в периодических изданиях, автор книг стихов «Ветка» (Тула, 1961), «Земной поклон (1964), «Косы русые России» (1971), возглавлял литобъединение в г. Сталиногорске (Новомосковске) более 30 лет, награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт.

Пушкина Наталья Николаевна (1812–1863), урождённая Гончарова, жена А.С. Пушкина, во втором браке Ланская.

Пушковский Леонид (1919 — ?), член трудкоммуны №2 НКВД с 1934 г., в 1930–1934 гг. был беспризорником, в коммуне окончил 7–летнюю школу, ударно работал на музыкальной фабрике, стахановец, о котором писал Я.В. Смеляков, в 1938 г. уехал из пос. им. Дзержинского, дальнейшая судьба неизвестна.

Разин Константин Иванович (1913–1983), журналист, почётный гражданин г. Новомосковска Тульской области, автор книг о городе Новомосковске, заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза журналистов СССР, ветеран Великой Отечественной войны.

Роллан Ромен (1866–1944), французский писатель, общественный деятель, учёный–музыковед, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Рудко Татьяна Николаевна (род. 1921), урождённая Волкова, приятельница Я.В. Смелякова, сестра А.Н. Илюниной, работала в библиотеке трудкоммуны №2, затем в транспортном отделе оборонного предприятия в пос. имени Дзержинского Московской области.

Светлов (Шейнкман) ***Михаил Аркадьевич*** (1903–1964), известный советский поэт и драматург, лауреат Ленинской премии (1967, посмертно).

Серебрякова Галина Иосифовна (1905–1980), русская советская писательница, автор романов о Марксе и Энгельсе, в 1936–1945 и 1949–1955 гг. находилась в заключении и ссылке, реабилитирована в 1956 г.

Слободчикова Татьяна Иосифовна (1920–1944), подруга Т.Н. Волковой, впоследствии хирург, умерла при родах.

Смеляков Александр Денисович (1929–2016), племянник Я.В. Смелякова, сын З.В. Смеляковой, театральный режиссёр.

Смеляков Василий Еремеевич (1861 — начало 1920–х), железнодорожный служащий, отец Я.В. Смелякова.

Смеляков Владимир Васильевич (1901 — 1960–е), брат Я.В. Смелякова, юрист.

Смеляков Ярослав Васильевич (1912/13–1972), выдающийся русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР (1967), премии Ленинского комсомола (1968), в 1937–1939 гг. работал в многотиражной газете «Дзержинец» трудкоммуны №2 НКВД.

Смелякова Евдокия Васильевна, урождённая Курбатова, во втором браке Бондаревская, первая жена Я.В. Смелякова.

Смелякова Зинаида Васильевна (1899–1971), сестра Я.В. Смелякова, преподаватель русского языка и литературы.

Смелякова Ольга Васильевна (1878–1952), мать Я.В. Смелякова.

Смелянская Александра Демьяновна (1910–1994), урождённая Кудрявцева, во 2–м браке Соколовская, жена Е.П. Смелянского, в 1937 г. арестована и осуждена на 10 лет, в лагере играла в театре под руководством актёра Болеслава Антоновича Соколовского (1905 — около 1983), за которого впоследствии вышла замуж, после освобождения из лагеря жила в Северодвинске, затем с мужем в Кинешме и Киеве, где играла в драмтеатрах.

Смелянская Елена Ефимовна (1936–1993), в замужестве Воропаева, младшая дочь Е.П. Смелянского, впоследствии работала в машбюро на ТЭЦ–22 и в лаборатории оборонного института (ныне в составе ФЦДТ «Союз»).

Смелянская Инга Ефимовна (1931 — около 2008), старшая дочь Е.П. Смелянского, в замужестве Первушина, впоследствии жила в Киеве, работала в управлении «Киевторга».

Смелянский Ефим Павлович (1903–1938), в 1929–1930 гг. заместитель управляющего по воспитательной части Болшевской трудкоммуны №1, в 1930–1935 гг. на той же должности в трудкоммуне №2, в 1935–1937 гг.

управляющий трудкоммуной №2; обладал широкой гуманитарной эрудицией, увлекался литературой, историей, в свободное время много занимался с воспитанниками, которые его любили и доверяли ему; репрессирован в декабре 1937 г., расстрелян 8 февраля 1938 г., реабилитирован в 1957 г.

Смелянский Юрий Ефимович (1928–2014), сын Е.П. Смелянского, впоследствии работал токарем на оборонном заводе в пос. им. Дзержинского, затем служил на Северном флоте, после демобилизации жил в г. Северодвинске.

Сметанин Фёдор Иванович (1913–1995), заслуженный военный лётчик, фронтовик, орденоносец, генерал–лейтенант (1984), 1–й заместитель главкома ПВО.

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), выдающийся русский писатель, драматург, публицист, поэт, общественный и политический деятель, живший и работавший в СССР, Швейцарии, США и России.

Стрешнева Татьяна Валерьевна (около 1913–1991), поэтесса, переводчица классической персидской поэзии, вторая жена Я.В. Смелякова (с 1956 г.).

Тарасов Николай Иванович, супруг В.И. Ивановской.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), советский военный деятель, военачальник РККА времён Гражданской войны, военный теоретик, маршал Советского Союза (1935), репрессирован в 1937 г. по «делу военных», реабилитирован в 1957 г.

Фадеев Александр Александрович (1901–1956), русский советский писатель и общественный деятель, лауреат Сталинской премии (1946), один из организаторов Союза писателей СССР, в 1946–1956 гг. секретарь и председатель правления Союза писателей СССР, наиболее известны его романы «Разгром», «Молодая гвардия».

Фейгельман Любовь Саввишна (1914–2003), русская советская писательница, театровед, писала под псевдонимом Руднева.

Фрид Валерий Семёнович (1922–1998), советский и российский драматург, киносценарист, член Союза писателей СССР, в 1944–1956 гг. был репрессирован, отбывал заключение и с 1950 г. ссылку в Инте.

Чекмазов Алексей Михайлович (1903–1953), коммунар трудкоммуны №1 в пос. Болшево Московской области (1924–1927) и №2 (1927–1938), председатель бюро актива коммун, директор музыкальной фабрики трудкоммуны №2, талантливый самодеятельный актёр и литератор, умер от туберкулёза.

Чекмазова Анна Ивановна (около 1911 — ?), урождённая Макарова, жена А.М. Чекмазова, домохозяйка.

Щербаков Михаил Петрович (1906 — не ранее 1980), работал в трудкоммуне №2 НКВД с 1930 г. на разных руководящих должностях, с марта 1937 г. — заместителем управляющего по политической и воспитательной части, в 1937 г. избран секретарём ячейки ВКП(б), с апреля 1938 г. работал в аппарате ЦК ВКП(б) и Московском обкоме партии, в 1941–1942 гг. возглавлял Московский подпольный обком на оккупированной территории, позднее работал в высшем аппарате МВД г. Москвы и КГБ, в отставку вышел в 1960 г. в звании генерал–майора.

Ягода Генрих Григорьевич (Иегуда Енох Гершевич, 1891–1938), российский революционер, советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей советских органов госбезопасности, нарком внутренних дел СССР (1934–1936), первый в истории генеральный комиссар государственной безопасности.

Якир Иона Эммануилович (1896–1937), советский военный деятель, командарм 1–го ранга (1935), репрессирован и расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1957 г.

Библиография

1. *Акиньшин А.Н.* Смеляковы в Воронеже. Доклад на 157–х Краеведческих чтениях в Воронежской областной универсальной научной библиотеке имени И.С. Никитина // Угрешская лира. Вып. 5. — М.: МОО СПР, ДМУП «Информационный центр», 2017 (в печати). С. 232-235.
2. *Бобкова М.* Ярослав Смеляков в Сталиногорске // Угрешская лира. Вып. 3. — М.: МОО СПР, БФ «Наш город», 2012. С. 70–77.
3. *Дементьев В.В.* Ярослав Смеляков. Сильный, как тёрн. — М.: Советская Россия, 1967.
4. *Евтушенко Е.А.* О Смелякове // Строфы века. Антология русской поэзии. — Минск — Москва: Полифакт, 1995.
5. *Ивановская В.И.* Воспоминания о Ярославе Смелякове // Угрешская лира. Вып. 4. — М.: МОО СПР, БФ «Наш город», 2014. С. 196–211.
6. *Карасёв В.С.* Ярослав Смеляков в Сталиногорске. Воспоминания // Угрешская лира. Вып. 5. — М.: МОО СПР, ДМУП «Информационный центр», 2017 (в печати). С. 236-244.

7. *Касаткин В.* Рязанские стихи Ярослава Смелякова // Рязанские ведомости. 2003. №32. 20 февраля.
8. Коммуна в Николо–Угреше. г. Дзержинский Московской области. — Дзержинский: ДМУП «Информационный центр», МАУК «Культурно–эстетический центр», 2012.
9. *Коржавин Н.И.* Судьба Ярослава Смелякова // Грани. 1974. №91. С. 131–179.
10. *Крещик В.А.* «На всех земных пирах…» / Этюды о поэтах и поэзии. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990.
11. *Куняев С.* Терновый венец // Наш современник. 1997. №12.
12. *Лебединская Л.* Жизнь поэта замкнулась, как кольцо // Русский ювелир. 1998. №4(9).
13. *Меситов А.* «Чугунный голос, нежный голос мой…». Первые послелагерные годы поэта Ярослава Смелякова // Независимая газета. 2001. 8 мая.
14. *Митюшкин В. Ярослав Смеляков //* Угрешские вести. 1999. №25–27.
15. *Митюшкин В.* День России // Угрешские вести. 1996. №37.
16. *Митюшкин В.* И встанет театр // Угрешские вести. 1997. №41.
17. *Митюшкин В.* Режиссёр Н.Н. Виноградов // Угрешские вести. 1998. №8.
18. *Митюшкин В.* Репрессии 1937–1938 годов // Угрешские вести. 2001. №30–32.
19. *Митюшкин В.* Театр–студия // Угрешские вести. 1998. №7.
20. *Рассадин С.В.* Ярослав Смеляков. Литературный портрет. — М.: Художественная литература, 1971.
21. Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. — М.: Вече, 2000.
22. *Рудко Т.Н.* Воспоминания о Ярославе Смелякове. Записи интервью.
23. *Смеляков А.Д.* Воспоминания о моём дяде Ярославе Смелякове // Угрешская лира. Вып. 4. — М.: МОО СПР, БФ «Наш город», 2014. С. 212–220.
24. *Смеляков Я.В.* Собрание сочинений в 3 томах. — М.: Молодая гвардия, 1977.
25. *Смеляков Я.В.* Стихи о любви. — М.: ЭКСМО, 2007.

Ярослав Смеляков. Конец 1940–х гг.

Содержание

Предисловие 5

Ярослав Смеляков на Угрешской земле.
Биографический очерк..... 8

Коммунар Ярослав Смеляков.
Документальная повесть..... 58

Памяти Ярослава Смелякова. *Стихи* 118

Критикам Смелякова. *Стихи* 119

Ярослав Смеляков.
Краткая летопись жизни и творчества 120

Упоминаемые лица 124
Библиография 133

Егорова Елена Николаевна

Коммунар Ярослав Смеляков

Биографический очерк, повесть, стихи

Дизайнер
Е.Н. Егорова
Технический редактор
В.Н. Киселева
Корректоры
О.С. Бахтиярова, Т.Г. Кондрашова
Художники
Е.В. Нистратова, В.О. Сиделёва

ДМУП «Информационный центр»
140093, г. Дзержинский Московской обл.,
ул. Томилинская, 14а, тел. (495) 551–22–32.

Литературное объединение «Угреша»
имени Ярослава Смелякова
Московской областной организации Союза писателей России
г. Дзержинский Московской обл. Тел. (495) 550–51–06, 551–25–97
www.lito–ugresha.narod.ru, lito_ugresha@mail.ru

Сдано в набор 5.09.2016. Подписано в печать 5.02.2017
Формат 60x90/16. Гарнитура «Artsans». Печ. л. 8,5. Авт. л. 4,5.
Тираж 1000 экз.

На лицевой стороне обложки:
Портрет Ярослава Смелякова. Художник Валерия Сиделёва. 2016 г.

ISBN 978-5-9908048-1-4

9 785990 804814

Отпечатано в ОАО
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область,
г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел.: (496) 382–10–23, (495) 745–84–28.
www.oaompk.ru, oaompk@oaompk.ru.
Заказ № 5030